

The background of the cover is a watercolor illustration of a forest. The trees are rendered in shades of green, blue, and purple, with some light rays filtering through the canopy. In the center, a figure with a long, slender, green neck and a red umbrella is walking. The figure's body is a mix of green and blue, and they appear to be wearing a long, flowing green dress or skirt. The overall mood is ethereal and dreamlike.

Евгений ПЕТРАШ

ДНЕВНАЯ
ЗВЕЗДА

ПРОЗА И СТИХИ

Евгений Петраш

Дневная звезда

«Издательские решения»

Петраш Е.

Дневная звезда / Е. Петраш — «Издательские решения»,

Сборник лирической фантастики. Книгу отличает теплота и образность языка, любовь автора к метафорам, кинематографичность действия. В каждом рассказе автор старается вместе с читателем прожить придуманную историю как личную, при этом активно используя ее потенциал, внося максимум смыслов и подтекстов.

© Петраш Е.

© Издательские решения

Содержание

Дневная звезда	6
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Дневная звезда
проза и стихи
Евгений Петраш

© Евгений Петраш, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дневная звезда

Повесть

Эйли жила высоко на большой и старой горе, и пожалуй, еще одной такой горы не сыскать было во всей округе. Подножие ее было так далеко, что реки внизу казались ручьями, а маленькие реки – всего лишь ленточками, они сплетались в рыболовную сеть, накинутую на леса, а наверху, вокруг вершины, Эйли всегда видела белые облака – настолько вершина была высоко. И Эйли видела горизонт – такого горизонта не может видеть ни один человек, живущий на земле: это была не кончающаяся, не умеющая кончаться даль, и Эйли говорила, что нет такой подзорной трубы, в которую можно бы было разглядеть там человека.

Каждое утро, когда просыпалась, Эйли видела эту даль в окно своей комнаты. Она жила в двухэтажном каменном домике прямо на краю скалы, и вьющиеся стебли цветков из ее окна струились по скале вниз, жили там внизу своей собственной жизнью, недостижимые ни для чьих рук. Она поливала их из лейки каждый день, а когда шел дождь, она открывала настежь окно и ставила на подоконник все цветы, какие могла найти в своей комнате: так они могли пить воду, приготовленную природой специально для них. Мать сначала ругала ее за это, но потом поняла, что ругать Эйли нет пользы: ей всегда было лучше всех известно, чего хотят цветы.

Когда зимой вместо дождя шел снег, Эйли бегала во дворе в пестрой вязаной шапке, а когда родители не могли ее видеть, она снимала шапку и старалась наполнить ее снегом до краев. Прибегая домой, она быстро проходила мимо родителей, поднималась к себе в комнату и посыпала этим снегом цветы, потому что все окна в доме закрывались наглухо до самой весны.

А еще зимой Эйли всегда играла в снежки, прыгала в сугробы и падала в снег, раскинув руки в стороны. При этом на снегу оставались ее очертания, и Эйли, взяв в руки тонкую палочку, дорисовывала их, добавляя силуэты костюмов, шляп, как у старинных дам, шпаг, или шутовских шапок с бубенчиками, или вовсе не возможных деталей: крыльев, как у настоящих птиц, перьев, новых рук, хвостов, как у русалок, и чего только могла придумать. Потом она аккуратно опрыскивала эти картины водой по много раз, добавляя в нее краски, картины схватывались цветным льдом и оставались такими, пока не таял снег.

Весной Эйли не могла дожидаться того момента, когда на крыше появятся сосульки, а когда они наконец появлялись, она осторожно отламывала их там, куда могла дотянуться, там же, где не могла – старалась сбить длинной палкой. После этого, перевернув их вверх ногами, она строила из них ледяные замки и города, блестящие и сверкающие острыми повернутыми вверх концами.

А еще весной она подолгу с приятной тоской смотрела на все те же дали из своего окна, потому что вдаль земля темнела и становилась бурой: снег начинал таять, оставляя после себя белые острова, белые линии, белые полосы, откуда-то появлялись птицы и начинали кружить над этими темно-коричневыми пространствами, словно частицы земли, вдруг оторвавшиеся от горизонта и носимые ветром по небу. В это время года для птиц открывалось самое большое пространство чтобы летать, а на реках ломался лед, и Эйли иногда даже слышала треск, похожий за залпы артиллерийских орудий.

Летом Эйли делала все, что только можно было делать летом: бегала по окрестным местам вместе со своими собаками, спускалась в ущелья, которых в округе было невероятное множество, плавала во всех окрестных озерах, ходила во всех окрестных лесах, знала те места, о которых не догадывались даже охотники, жившие на этой горе, она могла делать что угодно, быть где угодно, но только стоило во дворе прозвенеть колоколу, говорящему о том, что всем

необходимо собраться дома – и она возвращалась домой, она могла услышать этот колокол, где бы она ни находилась, даже в самом далеком уголке горы.

Осенью Эйли от всей души хрустела листвой, которая падала с тополей и осин, причем совершенно ясно одно: если бы Эйли не жила в этих местах, такого количества листвы там никогда бы не падало, а может быть, листва там не падала бы вообще. Или спала бы один раз – и не появлялась снова. Но поскольку Эйли все же жила там, то каждую осень к ее ногам слетали целые сугробы, целые лавины, целые пропасти пестрых сухих и превосходно шуршащих листьев, и Эйли бегала по ним, взметала их ногами, разбрасывала фонтанами по всей округе, падала и зарывалась в них с головой – словом, делала все, что только могла придумать, притом что осень в этих краях – самое красивое и красочное время года.

В доме вместе с Эйли были отец и мать, из родственников у нее была еще бабушка, но она жила на той же горе выше и приходила в гости изредка, только по воскресным дням недели. В их большом для трех человек доме жили еще трое: печник, садовник и повар. В остальном же в округе не было ни одной человеческой души. Небольшой городок с длинным и трудным названием находился в трех часах езды вверх по горным тропам, там всегда было много людей, местных и приезжих, но дом, в котором жила Эйли, стоял в стороне от главной дороги, поэтому никому не было нужды в него заглядывать, и жизнь городка совсем не трогала его.

Их домик стоял прямо на самом краю скалы, и издалека его вообще можно было не заметить: каменные серые стены ничем не отличались от горного камня. Только оранжевая черепица на крыше могла броситься в глаза, да поднимающийся дымок из трубы в холодное время года. Ночью же среди многочисленных оттенков ночного цвета можно было увидеть тринадцать мерцающих огоньков: это дрожащими свечами горели тринадцать окон, в них двигались фигуры, велись речи, пелись песни. Занавески в этом доме хоть и были, но никогда не закрывались, наоборот, порой окна распахивались во всю ширь, и занавески только выхватывало ветром наружу. Последнее, тринадцатое окно на обращенной к пропасти стороне находилось на маленькой круглой башенке с остроконечной, как шляпа волшебника, крышей с флюгером. На этой башенке это было единственное окно, и Эйли часто сидела возле него, положив локти на подоконник и смотря на ночную даль – на реки, на леса, на огни больших городов. Там, в дали она видела миллиард огней, словно перед ней распахивались два неба – одно сверху, одно внизу, – и невозможно было сосчитать, на каком небе звезд больше. Но Ветер, всемогущий и всеумудрейший, не приносил Эйли ни одного звука оттуда – только тишина, только какая-то вечная и бесконечная загадка миллиарда земных огней, будто ночное небо отражалось в каком-то таинственном и бесконечном океане.

С другой стороны дома высокое винтовое крыльцо спускалось прямо в сад, в котором одновременно прорастало столько оттенков цвета, что сосчитать их не представлялось никакой возможности. Эйли говорила, что сад, особенно если посмотреть сверху – это ее «дневное небо», на котором цветов много, как звезд, которые почему-то раскрашиваются, словно разноцветные стеклышки. В саду росли тополи и осины, Эйли часто сидела под ними на скамейке, рисуя на земле осиновой веткой разные непонятные знаки. Когда ее спрашивали, что означают эти знаки, она отвечала, что придумывает новые слова, которые могут назвать то, что не назовешь обычными словами. Корабль с раздувающимися парусами означал у нее то, что она чувствовала, отрываясь поздно вечером от окна и спускаясь с башни; она рисовала подхватываемый ветром и кружащийся в полете осиновый листок, и это у нее без слов обозначало, что она вспоминает музыку; а еще она рисовала совсем странный знак: выводила свободно линию, закругляла ее и начинала рисовать и рисовать круги, не отрывая ветки от земли, и каждый новый круг был внутри предыдущего, и она закручивала, сжимала эту спираль, пока круги наконец не сходились в одну точку. Что это означает, она не могла сказать, ведь этого не назовешь словами.

Пройдя по саду, Эйли поднималась по ступенькам и выходила на небольшую смотровую площадку на краю скалы, отгороженную от пропасти заборчиком. На площадке стояли быстрые и бесшумные качели, и Эйли качалась на них по много часов подряд, смотря бесконечно вдаль. Это было для нее самое любимое место во всем доме. Она летала назад и вперед, на ветру играли ее волосы, а впереди белые океаны облаков неподвижно и важно окутывали зеленые рассеченные горами и реками пространства, которые можно положить на ладонь, подуть слегка, и эти океаны облаков слетели бы, как пух и перья. Эйли казалось, что земля под ее качелями перестает существовать, и она летает на них, просто повиснув в воздухе, высоко над землей, зацепившись за облака. Это были волшебные качели, как и все вокруг.

Так Эйли жила на этой большой горе, в своем доме, не встречая чужих людей, она жила бы так и дальше, если бы однажды апрельским утром в их дом не пришел совсем чужой и не знакомый человек.

Это случилось совсем рано, и по всем законам и порядкам Эйли должна была еще тихо видеть сны в своей кровати, но почему-то именно в этот день она раскрыла глаза с самым восходом солнца и не смогла их закрыть. Солнце ударило ей в глаза золотым отблеском, пробившимся между стеблями цветков с подоконника, в этом луче дрожали листья и летали точки пылинок. Эйли встала и подошла к окну, чтобы как обычно взглянуть вдаль и увидеть, есть ли сегодня там туман, а если есть, то насколько он густой. И она увидела: в тот день туман был очень густой, он как белая вата лег на поля и реки, закрыв собой всю полосу горизонта и размыв границу между небом и землей. В тот день небо и земля плавно сквозь туман перетекали друг в друга, а на нижнем этаже в соседней снизу комнате слышались два голоса, негромко и осторожно ведущие беседу.

– Нет-нет, никакой платы. Вы меня обижаете, – говорил голос, принадлежащий отцу Эйли.

– Вы добрый хозяин, мой друг, – ответил ему кто-то другой.

«Не знакомый голос, – подумала Эйли. – Это чужой!..»

– Не стоит, я все равно не могу ничем вам помочь.

– Вы ошибаетесь, вы можете очень много для меня сделать! Для этого всего-то нужно: разрешить мне взять его с собой и пустить меня с ним в свой дом.

– Я смог бы сделать это для вас, но вы должны понять: у нас закрытый дом, мы годами не принимали гостей... Это традиция, мы можем приютить путника на несколько дней, если это так необходимо, но мы не пускаем в дом постояльцев. Для этого есть гостиницы в городе.

– Нет, нет, я же вам говорил. Я не могу отправиться в город, там меня ничего хорошего не ждет. И в конце концов я просто потеряю время, так ничего и не добившись. Самое лучшее место – это ваш дом. Это не место, а просто сказка, ничего лучше и представить нельзя.

– Извините, вы должны меня простить...

– Да нет же, я прошу вас еще раз! Что это вам будет стоить? В конце концов, если вы будете не довольны, вы всегда сможете прогнать меня.

– Дело не в том, буду ли я доволен вами или нет – дело в порядке. У нас давно не было гостей и не должно быть впредь.

– Так отступите от порядка только раз! Вы же понимаете, насколько это может быть важно. Причем не только для меня, если все пойдет как я думаю, это может оказаться важным для очень многих людей.

– Да, я не спорю с вами, но все же я не могу...

– Просто ваш дом – невероятно подходящее место. Я бы хотел, если вы не возражаете, занять комнату в башне, что над вашим домом.

«В башне!..»

– Если только так...

– Да, мне этого будет достаточно. Я буду заниматься там своим делом и совершенно не буду вам мешать, можете быть уверены. И при этом я могу исполнять любые ваши просьбы, в том числе ездить в город, когда вам это будет нужно.

– Что же...

– И еще, я знаю, у вас есть дочь. Мне говорили, что она замечательная. Я бы мог показывать ей иногда некоторые очень интересные вещи, я уверен, это будет для нее приятно и полезно.

– Вы очень много знаете о нашей семье.

– Да, если позволите, я вообще знаю не мало. Такова моя профессия.

– Хорошо, должен сказать, вы начинаете меня убеждать. Но я должен подумать.

– Конечно!

И настала тишина – оба голоса перестали говорить, только слышались неторопливые шаги: это отец ходил по комнате, наверное, заложив руки за спину, как он всегда делал, когда принимал важное решение. Эйли замерла, стоя у подоконника, боясь выдохнуть воздух, потому что звук, который при этом издаст ее нос, мог заглушить ответ отца, а отец мог ответить в любую секунду. Так Эйли простояла, задержав дыхание, с полминуты, потом она от беспомощности затрясла пальцами рук, бесшумно затрепетала губами – и наконец выдохнула струю воздуха ртом, раскрыв его как можно шире, чтобы получилось как можно меньше звука. И не напрасно, потому что почти в этот же самый момент послышался голос отца:

– Хорошо, мы сделаем для вас исключение. Раз это действительно так важно.

– Нет, еще важнее.

– Ну ладно. Только нужно обязательно поговорить с хозяйкой – моей женой – хотя бы одно ее слово против решит весь вопрос.

– Да-да, разумеется.

– Пока вы можете занести ваши вещи...

– Нет необходимости. Все вещи при мне. Только *он* остался у входа, но это минутное дело.

– Ну так занесите его. Нечего ему стоять у двери.

Послышались две пары шагов, и Эйли поняла, что говорящие разошлись.

Она широко улыбнулась – так широко, как только у нее одной могло получиться, потому что так улыбаться могла только она одна на свете, и только в самую радостную минуту. Она сама, правда, не могла понять, почему именно ей вдруг стало так радостно, причем одновременно она ясно чувствовала, что ей еще и немного страшно, ведь никто не может знать, что это за незнакомый человек и зачем он приехал к ним в дом. Но он знает о ней. «И еще, я знаю, у вас есть дочь. Мне говорили, что она замечательная» (она замечательная!), – значит, о ней тоже подумали, и ее тоже ждет что-то новое и странное... Эйли не могла отвлечься от этих мыслей и еще долго стояла так у окна, моргая и смотря в одну точку в накрытой туманом дали.

А потом внизу послышались шаги – много шагов, быстрых, торопливых и неуклюжих. Эйли поняла, что это повар с печником таскают из кладовой вещи, чтобы приготовить новому жильцу его комнату.

Эйли хлопнула в ладоши и обнаружила, что ее волосы на миг стали невесомы и у носа просвистел воздух. «Похоже, я подпрыгнула на месте», – решила она и тут же выскочила из комнаты, неслышно и быстро понесшись по лестнице вниз. Перила на лестнице были старые, тяжелые, деревянные и покрытые лаком, и Эйли, как всегда, когда внизу ее ждало что-то интересное и захватывающее, пробежала по ним на ходу пальцами.

Тише, тише, не спеша, – послышался голос снизу, и Эйли увидела, что летит прямо на печника и садовника, несущих вверх по лестнице тяжелый ящик.

Эйли кое-как увернулась от них, проскользнув где-то между ящиком и перилами, при этом внутри ящика что-то пошатнулось и прогремело.

Мгновенно внизу лестницы появился высокий человек с пепельными волосами, напоминающими оттаивающие равнины вдали, или быть может, корки льда на реках, человек был худой и морщинистый, но при этом неестественно быстрый для своих лет. В его серых глазах сверкнул огонь, но мгновенно угас, как только человек увидел Эйли.

– Ах, простите, – произнес он мягко, поклонившись ей. – Это вы и есть?.. Да, конечно, это вы и есть, милая леди.

Эйли на миг растерялась, не зная, что ответить, но тут же собралась обратно: она учтиво подогнула ножку, расправив платье, и с улыбкой ответила:

– Да, это я.

В этот момент рядом с человеком появился ее отец, у него был какой-то обеспокоенный вид, но это беспокойство мгновенно улетучилось, и отец сказал:

– Ну а вот и моя дочь, – он с улыбкой указал ладонью на Эйли, представив ее: – Это Эйли, прошу посмотреть и радоваться. А это господин Смит, наш жилец, он поживет у нас некоторое время.

– Очень приятно, – ответила Эйли, кивнув. Она старалась сдерживать все ощущения внутри себя, но ей вдруг стало как-то неудобно: ей показалось, что этот человек все равно ловит все ее чувства, как бы она их ни прятала.

– Все в порядке?.. – спросил отец у господина Смита, показывая взглядом на тот ящик, удаляющийся вверх по лестнице.

– Да-да, ничего страшного, – успокоил Смит, занесите его, пожалуйста, сразу в башню.

– В башню?.. – спросила Эйли, стараясь изобразить удивление.

– Да, туда, – отец кивнул. – Господин Смит остановится там. Ему так удобнее.

– Да, не представляете, как там хорошо в это время года, – согласился Смит.

– А что у вас в ящике?.. – с улыбкой спросила Эйли, моргая глазами.

– О, это интересная вещь! – воскликнул, вскинув руками, господин. – Я вам обязательно это покажу, милая леди!

– А все-таки, что там? – Эйли бросила взгляд на ящик и перекинула обратно на седого человека. – Что за интересная вещь?..

– Телескоп, – ответил Смит, улыбнувшись.

– Смотреть на звезды?.. – Эйли молча прислонилась к перилам, и на лице ее мгновенно стали раскрываться все ее чувства, она совершенно забыла, что их надо прятать.

– Да, смотреть, и обязательно на звезды, милая Эйли. А то куда же еще смотреть?..

Эйли рассмеялась, прижав кисть ко рту, ей в этот момент захотелось так сильно подпрыгнуть на месте, чтобы провалиться в чулан под лестницей, но она не могла этого сделать, так как тогда в наказание ей могли бы запретить смотреть в телескоп.

– А вы мне... разрешите?.. – спросила она робко, прикусив губу верхними зубами, сдерживая таким образом радость.

– Конечно же! – ответил громко господин Смит и рассмеялся. – А как же?

И тут Эйли улынулась наконец так, как ей того хотелось на самом деле, как она вправду могла улыбаться, решив, что теперь уже пора.

– А когда?.. – а этот вопрос выскочил у нее как-то сам собой, не спросив у нее особого разрешения.

– Как только, госпожа. Как только, – с улыбкой ответил Смит, после чего добавил хозяину: – Разрешите, я поднимусь и разберу свои вещи, – откланялся и удалился вверх по лестнице.

Проходя мимо Эйли, он снова улыбнулся ей и слегка задел рукавом рукав ее платья. Эйли ощутила запах каких-то невиданных ею полевых цветов и еще спирта, будто эти цветы были заспиртованы в стеклянной банке, непонятно зачем.

Конечно, тем же самым вечером она взбежала по лестнице к запертой теперь изнутри двери башни и постучала в нее, с нетерпением ожидая ответа. В ту же секунду раздался щелчок, и господин Смит отворил дверь, показавшись на пороге комнаты. Он держал в руках железный циркуль-угломер, рукава его белой рубашки были закатаны по локоть, а на носу очень низко висели очки, и он смотрел на Эйли поверх них.

– Здравствуйте... – нерешительно произнесла Эйли, потому что она совсем не знала, что еще можно было сказать.

Смит с несколько секунд помолчал, глядя на нее и стоя неподвижно. А потом улыбнулся, окинув ее внимательным взглядом, и сказал:

– Здравствуйте, госпожа Эйли. Я очень рад вас видеть!

Эйли засмеялась в нос, потерев пальцами края своего платья.

– Входите, – Смит отступил на шаг назад и жестом пригласил Эйли на порог.

Эйли очень быстро заскочила внутрь и огляделась вокруг: ее родная, любимая башня была теперь похожа на что-то совсем другое, совсем ей не знакомое, но притом Эйли совсем ясно чувствовала точно тот же самый дух, какой был здесь раньше. словно башня была гусеницей, которая превратилась теперь в бабочку. Раньше здесь не было совершенно никакой мебели кроме одного-единственного стула, который стоял у окна, и то это был стул из комнаты Эйли, и она сама притащила его сюда вверх по лестнице; теперь же здесь стояла раскладная походная кровать с бельем и подушкой, такое же раскладывающееся кресло, стол, принесенный из нижних комнат, на котором лежала куча бумаг и как страусиные перья торчком стояли карандаши, окруженные циркулями, линейками, угломерами и прочими чертежными принадлежностями. По стенам теперь были расклеены, развешаны и прибиты гвоздями какие-то листы с изображенными чертежами, один страннее и причудливее другого, карты, нижние края которых норовили завернуться в трубку и поэтому обязательно подпирались чем-то или прибивались гвоздями, железные листы, покрашенные черной краской, на которых мелом были выведены рисунки, и словно солью, посыпаны цифрами. Еще висела большая, от самого потолка до самого пола карта, черная и вся сверху до низу запорошенная белыми точками.

Ну, а в центре комнаты стояло то, что сразу же привлекло внимание Эйли, и потом уже она не могла отвлечься от этого. Все то, что было вокруг, только очень быстро пролетело у нее перед глазами, но через мгновение она встала, как вкопанная, и не могла оторвать взгляда с одного места в центре комнаты. Там стоял телескоп. На трехногом штативе, с винтами, ручками, кольцами, разделенными штрихами на миллиметры, с какими-то непонятными дугами, разрисованными в градусы, с какими-то странными грузиками, висящими неподвижно на нитях, с пружинами, закрученными в спирали, с удивительной большой стрелкой, то и дело пробегающей по дуге взад-вперед, со всем этим – длинная, тонкая, изящная и безумно красивая серебряная трубка с серебряным глазом из линз.

Эйли ахнула, увидев это, и вся вытянулась по струнке. Только глаза ее моргали невероятно быстро, не в силах остановиться.

– Это очень приятно, что не только на небе, но теперь и прямо в моей комнате есть звезда, – ласково произнес Смит, закрыв за Эйли дверь.

Эйли поняла, что это ее он имеет в виду, и смущенно улыбнулась, все еще не отрывая взгляда от этого странного и удивительного прибора. Все, что происходило вокруг нее в этот момент, было словно чем-то посторонним и совсем ее не касалось.

Смит подошел к своему столу и начертил что-то циркулем, хмыкнув и покивав головой.

– Да, – вздохнул он, – не все здесь так просто. Угол, угол, угол... Слишком большой угол зрения, нужно быть очень внимательным... – он повернул голову к Эйли: – А, как вы думаете?.. Нужно быть очень внимательным?..

Эйли встряхнула головой, сбросив с себя минутное наваждение и снова вернувшись к тому, что ее окружает.

– Да-а... Да, наверное, – пожала она плечами.

Смит поднял брови и кивнул. Затем он бросил на стол циркуль, отойдя к одной из карт на стене.

– Ну, и как вам? – спросил он Эйли, не поворачиваясь к ней, а отмеряя что-то на карте большим и указательным пальцами. – Узнаете свое бывшее жилище?..

Эйли засмеялась, обводя снова все окружающее взглядом, на этот раз внимательно подмечая каждую деталь.

– Да, с трудом! – воскликнула она. – Как вы все здесь изменили всего за день!.. С трудом узнаю... Но это не правда, я здесь не жила.

– Знаю, – ответил он, – но вы проводили здесь много времени. – Он указал рукой, не поворачиваясь: – Вот у этого окна. Сидели и смотрели вдаль часами. Не так ли?

Эйли заморгала глазами, удивленно на него уставившись, внутри у нее что-то задрожало.

– Да, но... Откуда вы знаете?..

– Ничего нет проще. Я видел вас.

– Видели?!.

Эйли затрясла головой в недоумении.

– Как?! Как вы могли меня видеть?..

– Не беспокойтесь! У меня же телескоп. Поэтому я очень далеко вижу и очень много знаю, – он засмеялся, щелкнув пальцами: – Есть!

Воскликнув это, он подскочил к столу, взял булавку с ярко-красной стеклянной головкой и воткнул ее в какую-то точку на карте.

– Вот, – сказал он, снова кивнув, – это уже куда лучше. Я хотя бы знаю, с чего начинать.

– Как это неприлично и бессовестно, – обидчиво и укоризненно сказала Эйли, сжав руки в кулаки.

– Что именно: что мне есть, с чего начать?..

– Что вы смотрели за мной. Вам должно быть стыдно.

– Ах, глупости, глупости! – он махнул рукой, подскочив к телескопу, нагнувшись над ним и заглянув одним глазом в какую-то трубку. – Мне было вовсе и не до вас.

– Ах не до меня?

Эйли хмыкнула и почесала нос. Смит продолжал стоять и смотреть в телескоп, настраивая его, подводя кольца и рычажки. Тогда Эйли хлопнула себя по бедру ладонью, быстро прошла по комнате, подошла к окну и встала в стойку возле него, уперев руки в бока.

– Леди, отойдите от окна, – произнес медленно Смит, не отрываясь от окуляра. – Вы мне все загородили...

– После того, что вы сделали, вы обязаны дать мне посмотреть в телескоп, и прямо немедленно! – выпалила Эйли, кивнув и сверкнув глазами.

– Вот как... – Смит вздохнул. А потом выпрямился и посмотрел на Эйли, прищурившись. – Идет!

Он вздохнул и, помолчав, махнул ей рукой, зовя к телескопу.

Эйли радостно улыбнулась, практически подбежав к Смику и ожидая, что он велит ей сделать.

– Куда бы вы хотели посмотреть, госпожа? – поинтересовался Смит, прищурившись и посмотрев в раскрытое окно, за которым в черноте рассыпалось звездное небо.

– Я... Я не знаю, – честно ответила Эйли и первый раз робко, с трепетным чувством коснулась рукой телескопа – холодной стали, словно клинок древнего рыцарского меча.

– Сейчас мы что-нибудь придумаем, – Смит махнул рукой, советуя этим жестом Эйли не беспокоиться, и нагнулся к окуляру, наводя телескоп на цель.

– А как вы можете смотреть небо, – спросила его Эйли, – если у вас только маленькое окошко?.. Вам же ничего не видно!

– А вот и нет. Через это окошко, моя милая, мне такое видно... Никому и не снилось. А все небо мне и ни к чему. То, что я ищу – там, – он, не глядя, указал пальцем в окно.

– Вы что-то ищите? А что именно?

– Ух, какая вы любопытная. Это тайна.

– Я так и знала! Нет, это не честно... Почему всегда для меня все тайна? Даже и вы – то же самое...

– Нет, у меня – действительно тайна. Не беспокойтесь, не только для вас.

– Прекратите называть меня на «вы»!

– А как же мне тебя называть?

– А вот так, как назвали сейчас... На «ты». А то мне кажется, что вы все время шутите. И тайну вашу я обязательно раскрою!

– Кто знает, может быть... – Смит улыбнулся и щелкнул пальцами: – Вот так. Готово. На звезды нам с вами смотреть... Просите, нам с тобой смотреть еще рановато, поэтому рекомендую начать с луны. Как вам луна?..

– Луна?.. – Эйли проглотила комочек воздуха. – Давайте!..

– Прошу! – Смит улыбнулся, отошел от окуляра и взмахом руки пригласил к нему Эйли.

Эйли поняла, что настала ее пора. Трудно даже представить, как долго она ждала этого. С самого утра. В общем, для обычного человека, вроде нас с вами, это было бы и не очень долго – но уж точно не для Эйли, тем более не для случая, когда речь идет о телескопе и о звездах. Теперь пусть не звезды, пусть – луна, не важно! Главное – что первый раз в жизни.

Первый раз в жизни Эйли, прищурив один глаз, наклонилась к окуляру телескопа, и в этот миг все вокруг шло уже как-то не так. Ну, как будто человек катится с горы на велосипеде, катится себе и катится неторопливо, притормаживая, и тут тормоза у него ломаются, и он понимает, что не может остановиться, что бы он ни делал. При этом дорога впереди – прямая-прямая, широкая, как река, ни одного поворота, ни одного холмика, склон кончается плавно, и останавливаться человеку, откровенно говоря, совсем и не хочется. Вот что-то подобное чувствовала и Эйли, будто время для нее превратилось в полет с горы на велосипеде. Она, совсем приблизившись к окуляру, почувствовав, что вот-вот в его заглянет, приостановилась, оттягивая это событие и не решаясь в конце концов его осуществить.

Вот она зажмурила оба глаза, а потом, широко распахнув один из них, посмотрела в окуляр.

– Ну как, вы видите луну? – поинтересовался Смит, отойдя на два шага и философски сложив руки на груди.

– Вижу... – честно ответила ему Эйли.

Она в тот миг видела луну так крупно, как она и не ожидала увидеть. Огромное бледно-желтое пятно, рассеченное и взрытое, отчаянно скачущее во всех направлениях потому, поняла Эйли, что телескоп крепился не совсем прочно и дрожал то ли от ветра, немного качающего башню, то ли от нее, Эйли, дрожащей в глубине души от восхищения. Но вот что поразило Эйли до самых кончиков волос, (как она сама любила говорить): это было большое изображение луны, во весь обзор ее глаз, такое, что едва умещалось в картинку телескопа, но при этом все эти трещины, все эти впадины, кратеры, эти ветвящиеся черные линии на самой границе, где темнота сглатывала четверть диска – все это была та луна, настоящая, не нарисованная – та, которую можно потрогать! И Эйли действительно представила себе, что вот сейчас, в этот самый миг она протянет вперед руку, чтобы осторожно коснуться пальцем этой огромной и светлой луны, протянет – и непременно коснется, нарушив все законы здравого смысла, все то, что ей говорили взрослые умные люди столько лет и что столько лет видела она сама.

Но нет, она не протянула руку и не коснулась. Хотя сделала бы это непременно, если бы была одна – теперь же она чувствовала, что Смит стоит рядом.

– Ну как, вам это нравится? – спросил он ее.

– Да... Можно, я еще посмотрю?..

– Пожалуйста.

Смит пожал плечами и осторожно отошел к столу. Его шаги резко отозвались для Эйли: у нее перед глазами луна несколько раз так скакнула, что едва не вылетела из поля зрения. Эйли поморщилась, но обрадовавшись, что все-таки не потеряла свое чудо, продолжала разглядывать его в подробностях.

Смит начертил несколько знаков на своих листах, нагнувшись над столом, и сказал:

– Вот и все дела.

– Скажите, скажите, а это почему везде круг по краям гладкий, а в одном месте – будто кусок луны оторвали, как от листка бумаги?..

– Это граница дня и ночи, там такие неровности из-за того, что поверхность луны неровная.

Смит улыбнулся и посмотрел на Эйли.

– Смотрите сколько захочется. Только знайте: долго не получится.

Это был, наверное, первый раз, когда он внимательно на нее смотрел. До того он только пробежал по ней взглядом, как это только и возможно в разговоре, выделяя то глаза, то говорящие губы, то пальцы рук, то ее общие контуры, то какие-то детали одежды, и то сделать было сложно, потому что Эйли редко стояла на одном месте и почти постоянно двигалась, сложно было поймать ее глазами и рассмотреть. Теперь же он видел ее полностью, и только теперь по-настоящему всмотрелся в нее.

Вот она стоит, согнувшись у телескопа, шурясь и прижимаясь глазом к окуляру, будто чем ближе она к нему прижмется, тем лучше будет видно луну. Одной рукой она держит трубку телескопа, другая на колене, сжимает ткань платья, при этом никакого значения для нее не имеет, что платье наверняка помнется. Глаз, конечно, не видно, потому что один утонул в окуляре, другой она зажмурила плотно-плотно, так, что поднялся уголок рта. Однако на лице ее улыбка – милая, светящаяся и совершенно обезоруживающая улыбка, и самое главное – она не подготовлена, ни для кого не предназначена, никому не подстроена... Она просто светится у Эйли на лице, очевидно потому, что на лице у Эйли очень хорошо светиться.

Смит ничего не сказал. Он замер на несколько секунд, стоя на месте, словно превратился в каменное изваяние, и брови его нахмурились. Из его уст прозвучало еле слышное «Хм...»

– Ой, что такое?.. – обиженно воскликнула Эйли. – Она уехала... Так не честно.

– Ничего не поделаешь, – сказал Смит, подняв брови, – Луна не стоит на месте, она движется, как и многое на свете.

– И что теперь делать?..

– Ничего.

– Ждать, когда она вернется обратно?

– Нет! – Смит рассмеялся, помотав головой. – Нет, это будет очень долго!

– Тогда надо ее догнать.

– Попробуй.

– Но как... Как я это попробую?..

– Очень просто. Нужно только подвинуть трубку в ту сторону, куда ушла луна.

Эйли осторожно, с таким чувством, будто она идет над ареной по канату, оторвала руку от своего платья, поднесла ее к трубке, взяв ее двумя руками, и попыталась переместиться по небу своим далеко видящим глазом. Но она как-то слишком сильно дернула трубку, и желтое пятно быстро промелькнуло у нее перед глазами, улетев в неизвестном направлении, а осталась только ночная чернота космоса и несколько горящих белых одиноких точек.

– Все, теперь я ее не поймаю... – огорченно вздохнула Эйли.

– Ничего страшного. Поймаем в другой раз. Но теперь ты видишь звезды, разве не так?..

– Вижу... – Эйли кивнула, а потом пожала плечами, все еще смотря в глазок окуляра: – Только я не знаю, что это за звезды... Как они называются?

Смит в ответ спросил:

– А это оказывается так важно?..

– Да... Если бы я знала, я бы чувствовала их, наверное, совсем по-другому.

– Что же, ты очень даже права. Когда ты смотришь на звезды в телескоп, ты видишь просто точки. Но когда они приобретают названия, то каждая из них становится чем-то особым, уникальным, и тогда уже каждая точка отличается от других. Так?

– Так-так!

– Увы, сейчас я тебе не смогу помочь. Я ведь не знаю, куда именно ты смотришь.

– Там четыре звезды, как квадрат, только его взяли и потянули за правый верхний угол, и он растянулся...

– Эйли, я ничего не могу сказать, на небе огромное количество таких мест. Дай, я сам посмотрю.

– Сейчас...

Смит подошел к ней вплотную, собираясь встать за телескоп, но Эйли не сходила с места:

– Сейчас, сейчас... Подождите, я посмотрю еще секунду...

– Секунда уже прошла.

– Да?.. Когда?..

Эйли совершенно не думала, о чем говорит. Ей просто хотелось устоять как можно дольше, видя перед глазами эту картину, потому что она совершенно точно знала, что если сейчас отойдет, то эту картину она уже никогда не увидит. Нет, возможно, она увидит другие, даже еще интереснее и лучше, но эту, вот именно эту самую – уже никогда. И она стояла, вцепившись намертво в стальную трубку.

Неизвестно, каким способом Смиту удалось бы оторвать ее и освободить себе рабочее место, если бы где-то внизу, за глухими каменными этажами и перегородками не зазвучал колокол, через долю секунды ворвавшись в их комнату через открытое окно. Эйли вздрогнула, мгновенно подняла голову и устремила взгляд вверх телескопа. Она вдруг вспомнила, что находится в том месте, где ей, строго говоря, и не положено находиться, и если она не прибежит вниз через две минуты, то ее начнут искать, непременно найдут в башне (с башни, конечно же, и начнут искать), и потом, быть может, запретят вообще даже думать о телескопе, или еще хуже того – выгонят господина Смита.

– Это меня... – сказала она еле слышно, продолжая смотреть в неопределенную точку и затаив дыхание. – Мне, кажется, пора...

– Раз пора – тогда нужно идти, – улыбнулся господин Смит, отойдя на шаг от телескопа и Эйли.

– Да... – Эйли подождала в неподвижном состоянии еще несколько секунд – а потом мгновенно сорвалась со своего места и практически вылетела из комнаты.

Только на самом пороге, распахнув дверь, она приостановилась, повернулась к Смиту и сказала, кивнув:

– Можно?.. Я еще приду, – и выскочила за дверь.

Теперь, когда она спускалась бегом с башни по лестнице, ей представился все тот же корабль с раздувающимися парусами, только он теперь был виден еще ярче.

В общем, с этого момента жизнь Эйли очень изменилась. Может быть, правильнее было бы сказать «с этого дня», но опять же: только не применительно к Эйли. Для нее каждая минута теперь стала чем-то вроде дня, в одну минуту к ней могло прийти столько мыслей, или фантазий, или каких-то смелых планов по поводу того, какие еще объекты ей следует посмотреть на небе, или столько совершенно невообразимых мечтаний, что текущее время будто съе-

жилось, сжалось в гармошку, секунда неестественно плотно прижималась к секунде, и в минуте таких секунд стало не шестьдесят, а все сто двадцать, а минут в часу, наверное, уже за триста.

Так вот, с того самого момента, когда осторожная бровь Эйли впервые коснулась стального окуляра телескопа, прошло всего несколько дней, но самой Эйли казалось, что прошли недели. Каждый день она могла вспомнить по часам, восстановить детально все события, которые с ней происходили, даже иногда припомнить цепочки мыслей, приходившие ей в голову в тот или иной час. Вот тот самый день, вечером которого она выскочила из комнаты Смита. Ее позвали колоколом на вечерний чай, после чего она попросила у родителей разрешения подняться на башню к господину Смиуту, и отец даже разрешил ей это сделать, но только завтра. Тогда Эйли, не найдя ничего лучшего, пошла спать, именно только с той целью, чтобы это завтра побыстрее наступило. Но заснуть она смогла совсем не сразу, а где-то ближе к пяти часам утра, когда первые лучи света брызнули откуда-то с обратной стороны горы и чуть-чуть осветили на горизонте неясные утренние очертания лесов и холмов.

Эйли приснился такой сон, будто бы она и не засыпала вовсе, а все приснившееся произошло с ней на самом деле. Это было настоящее чудо, что-то невероятное: огромный бриллиантовый мост, сверкающий молниями света в ночи, отраженного от звезд, который гигантской, размашистой дугой, радугой – уходил из-под ног Эйли куда-то вперед, прямо в небо. Эйли ступила на него прямо с края горы, со своей любимой площадки, где стояли качели, и шла по нему, осторожно делая шаг за шагом, держась по бокам руками за хрустальные перила. Она не знала, куда шла. Она не знала, что именно ждет ее впереди, куда приведет ее этот мост, но она точно знала, что ей непременно надо двигаться, что этот мост волшебный, и то место, к которому она идет, мгновенно и навсегда изменит ее жизнь. Захватывающее, душераздирающее волнение возрастало у нее в душе, переворачивая и преображая все вокруг. Ей не было страшно, но росло волнение, от которого она потеряла дар речи. Она поднималась по дуге и поняла вдруг, что находится прямо над пропастью, прямо между небом и землей, и ночные перистые облака стелились светлыми островами прямо вокруг нее – не выше плеч. В этот момент она ясно почувствовала, что подъем закончился, она дошла до самой середины дуги, и впереди она увидела длинный, долгий, пологий спуск куда-то вниз, в темноту ночной Земли. Она успела только в испуге затаить дыхание, как вдруг под ногами у нее стало скользко, как лед на замерзшем озере, в лед превратился хрусталь перил, а сам мост будто наклонился вперед, и неудержимая сила земного притяжения потянула ее вниз. Она не смогла удержаться и поскользилась по мосту вперед, разгоняясь с каждой секундой. Она вцепилась руками в перила, но руки скользили, и не думая задерживать это стремительное падение, она согнула ноги в коленях с таким чувством, будто летит с горы на лыжах... Быстрее, быстрее, еще быстрее – ветер бил в лицо, все вокруг потеряло очертания, скользкий мост сверкал под ногами непрерывными линиями бликов, и со скоростью ветра несло навстречу то неизвестное, что было в конце моста... Это была только чернота, вырезанная, исчезающая, холодная и пугающая... И только в самом конце, когда дыхание черноты коснулось лица, вдруг стало понятно, что именно скрывается в ней: ничего, пустота, только воспоминания о том, что здесь когда-то что-то было...

Эйли проснулась мгновенно, в тот самый момент, когда должна была стремглав залететь внутрь этой черной дыры. Проснулась, мгновенно, словно пружина, сев на кровати и растерянно моргая глазами. Это не чернота, нет, а как раз наоборот – золотистый свет солнца ударил ей в глаза, выйдя из-за горы и заглянув в окно, и от этого она проснулась.

С минуту она пребывала в том самом странном состоянии, когда не до конца еще ясно, что более реально: то, что было тогда или то, что происходит теперь. Но потом Эйли поняла, что тогда, с мостом – это был сон, а теперь, судя по всему, реальность. И мгновенно за этим вспомнилось все, что происходило вчера: разговор, телескоп, господин Смит...

Эйли быстро поднялась с кровати и очень скоро забыла о своем сне. В этот день она по полному праву поднялась в башню, и Смит очень долго показывал ей солнце. На солнце

смотреть оказалось не просто и даже опасно: если смотреть на него долго, то можно ослепнуть, а если в начале не вставить в трубку телескопа специальную пластинку, то ослепнешь мгновенно. Но с Эйли ничего такого не случилось, зато это точно ограничило время ее пребывания у телескопа: Смит постоянно спрашивал, не болят ли у нее глаза, и как только получил утвердительный ответ, сразу же отказался показывать что-либо еще, и Эйли нехотя согласилась, что на сегодня с нее хватит. В тот день она занималась своими обычными весенними делами: подметала дорожки в распускающемся саду, чтобы он выглядел как настоящий императорский сад в самой богатой из столиц; выщипывала на небольшой лужайке траву, оставляя ее только в определенных местах, чтобы к лету там выросла какая-нибудь картина или надпись (на этот раз она решила нарисовать свою башню, из окна которой выглядывают сверкающая труба телескопа, господин Смит, показывающий куда-то вверх пальцем, и она, Эйли, восхищенно смотрящая по его руке). Она делала все это как обычно, только в каком-то ускоренном темпе, сделала все до конца и сама поразилась, как мало времени на это у нее ушло. А потом она пошла спать очень рано и уснула мгновенно, едва успев при этом закрыть глаза.

На следующий день повторилось примерно то же самое, только смотрели они уже не на солнце, а на большую россыпь маленьких звезд, которые господин Смит называл «звездным собранием». Причем большую часть из этих звезд Эйли и не видела на небе, и для нее было большой неожиданностью, когда они вдруг откуда-то появились в окуляре телескопа.

– Они такие маленькие?.. – спросила Эйли у Смита.

– Все нет. Они только очень далеко.

– Да, конечно же... Но неужели они *так* далеко?

– Ох, Эйли!.. Еще дальше! – Смит встал возле раскрытого окна, оперевшись руками о подоконник на уровне его пояса и стал посмотреть вдаль. – Представь самое большое расстояние, какое только можешь представить. Умножь его на два. А лучше возведи в квадрат. Еще раз возведи. Можешь даже еще раз. И все равно получишь только песчинку по сравнению с теми расстояниями, которые там скрыты...

– Я не могу это представить... – Эйли отняла взгляд от окуляра, посмотрев вверх него в раскрытое окно. – Это так страшно...

– Не говори. Ты опять совершенно права.

Он повернулся, посмотрев внимательно в лицо Эйли. Она, не двигаясь, замерев, смотрела в небо, ей в тот миг казалось, что если долго смотреть на звезду, то она станет немного ближе. Смит, махнув рукой, позвал ее:

– Эйли, иди сюда... Кое-что можно увидеть и без телескопа.

Она послушно подошла к окну и встала возле него, положив руки на подоконник точно так же, как и Смит.

– О чем ты сейчас думаешь? – спросил ее Смит, глядя в цепи созвездий, как капитан дальнего рейса вглядывается в далекий огонек маяка.

– Мы же с вами ничего о них не знаем! Эти звезды – такая загадка...

– Нет, почему же? Все-таки кое-что мы о них знаем.

– Мы даже не знаем их размеров! Кто знает, может быть эти звезды очень далеко, бесконечно далеко – тогда какие же они должны быть большие!

– Может быть, они вовсе не большие, а только очень яркие?.. – Смит загадочно улыбнулся, взглянув на Эйли.

– Но если они очень далеко...

– А кто сказал, что они *все* очень далеко?

– Я не понимаю, что вы говорите. Это же звезды! Конечно, они все очень далеко, иначе бы мы сгорели.

Смит, услышав это, тихо рассмеялся.

– Эйли, пойми одну вещь, – сказал он ей, заглядывая в глаза, в то время как она не отрываясь наблюдала за мелкими мерцаниями звезд на небе. – Пойми одну очень простую, но и одновременно очень сложную вещь. Там, вдалеке, – он указал рукой на небо, – там вдалеке очень многое совсем не то, чем кажется. Вот, например, ты видишь точку на небе – и думаешь совершенно искренне, что это звезда. И это на самом деле очень похоже на звезду, но если прищуриться внимательнее, то увидишь что звезда эта странная: все остальные звезды немного мерцают, как бы подрагивают в небе, и ты еще думаешь, что это тебе кажется из-за твоих же ресниц – так вот, а эта звезда не мерцает, она светит спокойно простой точкой на небе, и потому только, что это никакая не звезда, а планета. Она не светит, а отражает свет, и она не точка на небе, а диск, только диск такой маленький, что отсюда кажется точкой. Поэтому мы и путаем ее со звездой, а на самом деле она гораздо меньше, но и гораздо ближе.

– Вот как... – Эйли забегала глазами по небу, стараясь найти хоть одну такую не мерцающую точку.

– Наша слабость в том, что мы не можем до конца верить своим глазам, когда смотрим на небо. Глаза – вещь иногда очень обманчивая!

– Ну а чему же тогда верить? – улыбнулась Эйли, пожав плечами.

– Цифрам! Математике. Поверь мне, Эйли, будет время, когда целые миры станут открываться на бумаге – благодаря одной только математике. И на небе то же самое – если глаза тебе говорят одно, а цифры на бумаге другое – верь цифрам.

– Именно поэтому вы так много считаете и чертите? Вы проверяете свои глаза на честность?

Эйли посмотрела на него снизу вверх, положив подбородок на ладони, и снова бросила ненасытный взгляд на небо. А Смит улыбнулся, кивнув:

– Да, Эйли, именно так. Я проверяю свои глаза на честность.

Следующим утром Эйли обнаружила весьма неприятную для себя вещь: ей неожиданно надоело смотреть на звезды. Она проснулась и поняла мгновенно, что смотря на звезды, она уже ничего нового для себя не обнаружит. Это заставило ее погрузиться, сидя на кровати и смотря из окна на утренний пейзаж, где белые туманы накрыли поля, зеленеющие весенними островками травы, словно мхом. Но грустила Эйли совсем не долго, потому что вспомнила: у Смита есть какая-то тайна, которую она, Эйли, между прочим, обещала раскрыть. И значит, пора этим заняться вплотную.

Да, то, что делает она – просто разглядывает в телескоп небо – это на самом деле ерунда, просто какая-то детская шалость, и Эйли это понимала, ей это уже было не интересно. Но вот то, чем занимается Смит – это, пожалуй, действительно что-то важное и достойное внимания. Эйли оставалось только гадать, что бы это могло быть: Смит упорно не желал выдавать свои секреты.

Да, на самом деле, если говорить откровенно, то Эйли уже не раз как бы невзначай и очень аккуратно пыталась выспросить у Смита, чем же он на самом деле занимается ночами в башне (как она замечала, несколько раз подряд там по полночи горел свет). Хотя увлечена она была совсем другим, но ее все равно не покидало какое-то странное чувство, будто сверху, у нее над головой каждую ночь что-то происходит, очень большое и серьезное, а она сидит внизу в своей комнате и никакого отношения к происходящему не имеет. Это было очень слабое чувство, такое как бы маленькое, смутное ощущение, и такие ощущения приходили к Эйли часто. Ее светлая, легкая и очень восприимчивая к окружающему миру натура словно антенной притягивала время от времени такие странные знания, рассказывающие ей что-то об окружающем мире, как намагниченная стальная палочка притягивает металлическую стружку, пыль или кусочки бумаги. Эйли к этому уже привыкла, и чаще всего не обращала внимания на подобные

предчувствия, потому что говорили они обычно о всяких пустяках. Но вот сейчас это был, судя по всему, не пустяк.

Так вот, Смит так ни разу и не поддался на аккуратные намеки и просьбы Эйли, даже не шелохнув завесу тайны. Тогда Эйли как-то попыталась рассмотреть повнимательнее те надписи и чертежи, которыми сверху до низу была просто усыпана вся комната в башне. Она рассмотрела, но ничего, конечно, не поняла: там были только цифры, сложенные, поделенные, умноженные друг на друга, иногда к ним подмешивались буквы, а рядом, видимо, для того, чтобы было еще непонятнее, всегда наскоро был набросан карандашом какой-нибудь угловатый чертеж. Вообще вся комната в течение этих нескольких дней постепенно заполнялась расчетами, как трюм тонущего корабля заполняется морской водой. На досках росло число цифр, написанных мелом, что-то было набросано карандашом прямо на стенах, указателями и флажками помечалось что-то на висящих картах, а на самой большой, главной карте, посыпанной белыми точками, росло число воткнутых булавок, которые кое-где соединялись нитями, образуя чертежи, подобные тем, что были нарисованы на бумаге... Все это не поддавалось никаким объяснениям, по крайней мере для Эйли, и она оставила затею читать записи Смита как совершенно бессмысленную.

И вот теперь раскрытие этой тайны (которая, между прочим, сама пришла к Эйли в дом, и об этом ее, тайну, совсем не просили) стало, так сказать, приоритетной задачей.

Итак, все дело было в том, что господин Смит поведал, говоря откровенно, не всю правду отцу Эйли: он не упомянул об одной вещи, которая проявилась вечером первого же дня. Да, Смит действительно почти все время проводил в своей башне, выходил в основном только на завтрак и ужин (обед пропускал, жуя что-то на скорую руку у себя), а также на короткие прогулки утром и вечером. Но все-таки его присутствие несколько изменило обычный порядок жизни в доме: теперь начиная с первого дня каждый вечер в дверь их дома стучал почтальон и приносил пакет или маленький ящичек с их адресом и надписью: «*Господину Джерому Смиту лично в руки, НЕ ВСКРЫВАТЬ!*» Причем отец Эйли вынужден был платить почтальону за доставку, но это ничего: эти деньги были, конечно же, включены в плату господина Смита за комнату (господину Смиту немалыми стараниями удалось уговорить отца Эйли все-таки взять с него такую плату). Отец так и не смог даже предположить, что было в этих посылках, в конце он даже дал одну в руки Эйли. Эйли потрясла ее всеми возможными способами, обнюхала со всех сторон, прислушалась ко всем щелям, просмотрела всеми способами на свет – и тоже ничего не смогла сказать, кроме того, что это что-то легкое, мягкое, не прозрачное, молчит и пахнет бумагой. «Возможно, это бумага и есть,» – заключили все обитатели дома и отнесли посылку Смиту. Тот принял ее с нескрываемой радостью, попросил у отца извинений за неудобства, еще раз попросил включить все расходы в его плату, закрыл дверь, и как Эйли подслушала у замочной скважины, раскрыл посылку, захрустел оберточной бумагой, после чего на пять минут затих, словно провалился под землю, а потом как ни в чем не бывало продолжил свои непонятные исследования, ходя по комнате из угла в угол, шелестя карандашами и скрипя пером.

На следующий же день утром за завтраком Смит спросил у отца и матери Эйли, не нужно ли им чего-нибудь для домашнего хозяйства, потому что в конце недели он отправляется в город за инструментами и линзами для телескопа. Отец сказал Смиту, что это было бы весьма любезно с его стороны, а мать обещала составить длинный список того, что именно им нужно. Эйли все это слышала, попивая из соломинки какао с молоком, наострив одновременно уши, так как ее интересовало все, что связывалось теперь даже со словом «Смит».

– А тебе ничего не нужно, Эйли? – спросил Смит у нее, откинувшись на спинку стула, убрав из воротника салфетку и протирая ей губы.

Эйли застыла на месте, глядя в кружку перед собой, пробыла так несколько секунд, а потом сказала, как ни в чем не бывало:

– Телескоп, – и потянула напиток дальше по трубке, и так совершенно хорошо представляя себе выражения лиц родителей.

На лицах родителей в тот момент было недоумение в самом его высочайшем проявлении, это было для них неожиданно и они даже сначала не могли придумать, что ответить. Они только мгновенно и одновременно поняли, что телескоп, наверное, вещь довольно дорогая и по сути своей совсем не игрушка.

– Эйли, – мать сказала первой, так как она лучше знала, что нужно что-то сказать, – это...

Эйли в ответ повернула голову, подняв таким образом глаза на родителей и смотря на них как-то спокойно и уверенно-безразлично.

– ...Это исключено, – довершила наконец свою мысль мать, добродушно кивнув.

Эйли в ответ тоже кивнула и продолжила пить какао.

– Почему же?.. – спросил удивленно Смит, переводя взгляд то на отца, то на мать. – Это хорошая просьба! – он рассмеялся.

– Это безусловно хорошая просьба, но... – мать Эйли отошла от стола и прислонилась спиной к шкафчику с алкогольными графинами. – Это еще рано нашей Эйли. Уж мы-то ее знаем. Она поиграет с ним неделю, самое большее две – и бросит. А телескоп – вещь не шуточная.

– Это, конечно, так... – Смит пожал плечами. – Но вспомните, не было бы ни одного хорошего ученого, да и ни одного мало-мальски грамотного исследователя, если бы в свое время их родители не рисковали. Причем иногда рисковали и покрупнее, чем просто потратить много денег... Но это, наверное, пустяки. Если вам интересно мое мнение, то Эйли очень способная. Можете мне поверить, я в свое время учил кое-кого в университетах больших городов... Вопрос только в том, хочет ли того на самом деле сама Эйли. Эйли, – он обратился к ней, внимательно на нее посмотрев, – ты очень хочешь телескоп?

Эйли мгновенно прекратила тянуть свой напиток по соломинке, застыв в раздумье почти на целую минуту, бегая глазами по столу – по маленькому кругу размером с небольшую тарелку, и в этот момент слеза едва не выпорхнула из ее глаза, но быстрым морганием Эйли удержала ее внутри себя.

– Да, – сказала она, посмотрев долгим взглядом на Смита, и взгляд этот был хоть и на одном уровне с его глазами, но смотрел будто откуда-то снизу, из-под стоэтажной разницы между взглядом Смита и взглядом ее, маленькой Эйли.

– Может быть, так, – вставила мать Эйли, – но все же это несвоевременно. Как бы то ни было, у нас сейчас все равно не хватит денег на телескоп. Но мы обязательно достанем его потом. А пока Эйли подождет. Эйли, ведь ты подождешь?..

– Да, мама, конечно, – ответила Эйли, кивнув, и вернулась к своей кружке. И ей уже совсем не хотелось отрываться от нее, она в тот миг просто влюбилась в эту кружку, вцепилась в нее как в спасительное убежище с глухими каменными стенами и с мощным запором толщиной в кулак на вбитых намертво петлях. Слава богу, что кружка была на половину полна.

Так вот, все это происходило в первый и второй дни пребывания Смита в их доме, а теперь, сидя на своей кровати и размышляя, Эйли вдруг вспомнила этот разговор и все эти послышки господину Смигу лично в руки. Конечно, послышки были напрямую связаны с тайной господина Смита, и они были единственной деталью, за которую можно было бы ухватиться. Естественно, о том, чтобы даже попытаться вскрыть послышки Эйли и не думала, но все-таки это было слабое место господина Смита – Эйли решила это совершенно определенно и еще она сделала очень немаловажную для себя догадку: если кто-то регулярно пишет господину Смигу письма, то вполне вероятно, что и господин будет отвечать на них, а раз так, то ему понадобится почтовая служба, а единственная почтовая служба в этих краях – в том самом городе с трудным названием, куда господин Смит, кстати говоря, отправляется в это воскресенье. И очень может

быть, подумала Эйли, отправляется он не за инструментами и вовсе не за линзами, а именно для того, чтобы отправить ответ своему неведомому далекому собеседнику.

Итак, еще не зная, что это все ей дает, но все же обрадовавшись догадке, Эйли восторженно потеряла руки и подлетела к окну уже совсем в другом настроении. Она еще раз посмотрела на свой любимый утренний пейзаж и порадовалась тому, что завтрашний день обещает быть, наверное, днем, впитавшим в себя целую неделю времени. Как и все остальные дни вплоть до самого воскресенья. Оставалось только самое малое: дожидаться этого завтрашнего дня. То есть, для обычных людей, вроде нас с вами, это было бы «самое малое», а для Эйли, конечно, это было не мало – еще бы, ведь это же целый день!

И эта мысль могла бы быть чистой правдой. Да, Эйли хорошо знала кое-какие стороны своего существа, и эта мысль могла бы быть чистой правдой, если бы на самом деле (и Эйли об этом еще не знала) сегодняшний день тоже не готовил ей кое-что особенное, что способно было заставить ее до самого вечера забыть обо всем на свете.

Насмотревшись вдоволь в окно, Эйли спустилась вниз по лестнице (а вернее сказать – слетела), пробежав по перилам пальцами и едва не споткнувшись на предпоследней ступеньке. Сияя улыбкой от нетерпения, она залетела в столовую, где уже сидели отец с матерью и господин Смит. Господин Смит допивал утренний кофе, запах которого разнесся по всему первому этажу, и Эйли учуяла его еще на лестнице.

– Доброе утро, – улыбнулась Эйли всем присутствующим, подобрала платье и села на свободный стул.

– Доброе утро, Эйли, – Смит удивленно на нее взглянул, потом допил свой кофе и произнес загадочную фразу, которая заставила Эйли на секунд замереть на месте: – Я пожалуй пойду прогуляться по саду... Эйли, не составишь после завтрака мне компанию? Сегодня прекрасная погода! Я бы хотел у тебя кое-что узнать.

Эйли, уже успевшая положить в рот кусок хлеба, перестала на секунду жевать, задумавшись, а потом продолжила, согласно кивнув и улыбнувшись.

– Хорошо! – Смит встряхнул головой, быстро встал из-за стола, откланялся и вышел.

Эйли прожевала и с трудом проглотила свой хлеб, уставившись в тарелку перед собой и думая, что все это может значить. Раньше Смит хоть и охотно принимал ее в своей башне, но все же он делал это как бы соглашаясь, не будучи против, она всегда сама приходила к нему и всегда при этом испытывала, пусть и легкое, но ощущение, что она ему все же немножко мешает. А теперь Смит вдруг сам попросил ее «составить ему компанию», прямо с утра пораньше, да еще не компанию по наблюдению за звездами, а по прогулке в саду – совсем уже невероятно! Зачем это ему могло понадобиться?.. Тут вдруг Эйли вспомнила самое первое ощущение – от того момента, когда она только увидела Смита: ей тогда показалось, что он ловит все ее мысли и чувства. Неужели он и вправду что-то поймал – неужели он и вправду догадался, что Эйли собирается что-то сделать?.. Эйли вдруг почему-то стало страшно. Хотя она еще ничего не сделала – страшно только от одного намерения.

– Эйли, почему ты не ешь?.. – спросила у нее мать, нахмурившись.

Эйли вдруг заметила, что она и вправду не ест, а уже некоторое время сидит не двигаясь, причем вилка, на которую был наколот кусочек ветчины, завис у нее на полпути ко рту и тоже какое-то время висит без движения. Поняв это, Эйли быстро схватила с вилки ветчину и стала быстро жевать, стараясь нагнать упущенное время, как будто бы она нечаянно вышла из какого-то графика.

Когда завтрак кончился, Эйли прикусила нижнюю губу, свернула аккуратно салфетку, задвинула аккуратно на место стул, чего бы она, конечно, никогда не сделала, если бы ей не нужно было время, чтобы: 1.) еще раз подумать, зачем бы она могла понадобиться господину Смиту; 2.) еще раз не найти никакого ответа на этот вопрос; 3.) еще раз капельку испугаться, не догадался ли о чем-то господин Смит; 4.) подумав об этом, испугаться немного больше; 5.)

еще раз попытаться представить себе, как она выйдет на улицу и посмотрит Смиту в глаза; 6.) подумав об этом, начать волноваться; 7.) в конце концов сказать себе еще раз: «Пора. Чем скорее – тем лучше!». И времени ей хватило, тем более что впереди еще была дорога от стола через гостиную в сад.

Она вышла из дома и медленно спустилась с крыльца, осторожно заглядывая между ветвями деревьев и стараясь обнаружить в просветах между ними гуляющего господина Смита. Но Смита нигде не было, и Эйли хмыкнула про себя: «Вот уж странно так странно!..» Пройдя по саду, оглядевшись всюду на тропинках, в маленьких аллеях, на скамейках под деревьями, даже заглянув во все углы, почти за каждое дерево, где бы Смит мог спрятаться, осмотрев с особой внимательностью траву на лужайках (мало ли что), она вышла из сада, пожалала плечами и остановилась. Ей было не понятно, в какую сторону еще можно было продолжать поиски, и она в замешательстве оглядывалась по сторонам, улавливая вокруг каждое движение.

И каково же было удивление Эйли, когда она наконец обнаружила господина Смита – в самом неожиданном месте, какое она только могла представить.

Она стояла на самом выходе из сада, там, где тропинка, помедлив немного, собравшись в комок, вдруг разделялась на три рукава, один из которых уходил в даль осинового аллеи и там ручейком впадал в полноводную реку большого горного тракта, другой петлял через заросший травами луг и нырял с головой в дубовую рощу, уходя в леса вместе с охотничьими тропами, а третий – третий уводил совсем в другую сторону. Он ровной линией спускался с холмика, кругом обходил сад сзади и выводил шагающего по нему человека к самому краю обрыва – на небольшую смотровую площадку, ту самую, где стояли любимые качели Эйли. И теперь Эйли прислушалась очень внимательно, и ей оказалась, нет, не показалось – она точно услышала, как с той стороны доносится легкое поскрипывание. Уж это поскрипывание она не перепутала бы ни с чем на свете! Привыкшая всецело и без сомнений полагаться на свои проверенные уши, Эйли бросилась быстрым-пребыстрым шагом (переходить на бег она все же опасалась) напрямик по своей тропе, завернула за угол, проследовала тихо под деревьями расположившегося сверху сада, и наконец вышла на площадку, застыв от недоумения. Господин Смит сидел к ней спиной и спокойно раскачивался на ее качелях, левой рукой держась за стальную цепь, другую положив на соседнее место, мечтательно поднимая голову и глядя вперед на долины и леса.

Эйли нахмурилась и осторожно пошла вперед. С одной стороны ей не хотелось издавать шум, чтобы еще какое-то время держать в тайне свое присутствие, да заодно и не отвлекать господина Смита, а с другой – хотелось наступить на какую-нибудь ветку, чтобы она хрустнула, потому что Эйли не знала, как показаться Смиту на глаза, ведь чем ближе она подходила – тем хуже становилось ее положение, с каждым шагом она как бы все больше и больше превращалась в бессовестную шпионку. Наконец это возрастающее напряжение внутри Эйли снял сам Смит: куда-то в простор дали, даже не повернув головы, он сказал:

– Я тебя очень сильно понимаю, Эйли.

Эйли остановилась, как вкопанная, не имея понятия, как он все же узнал о ее присутствии. Поразмыслив, что бы сказать, она наконец ответила:

– В чем... вы меня понимаете?..

– Понимаю, почему ты так любишь это место. Здесь и правда замечательный вид. Эти качели будто волшебные, не правда ли?..

Эйли улыбнулась, в этот момент к ней почему-то снова вернулась смелость. А может, она просто забыла, что нужно чего-то бояться. Она подошла и встала рядом с качелями, справа от них, возле пустого места, и взялась рукой за железный столб, который сверкал белизной краски.

– Да, это точно, – ответила она.

– Эйли, это ты нарисовала?.. – спросил у нее Смит, показывая рукой на покрашенные в такой же белый цвет доски сиденья рядом с собой – там чем-то острым была выцарапана странная небольшая спираль, круги, каждый из которых был внутри предыдущего, и в конце концов они сходились в точку.

– Да, я, – ответила Эйли, мелко покивав.

– И что это значит?

– Я не знаю... Мне просто захотелось что-то нарисовать – и вот, так получилось. Я теперь понимаю, что испортила краску...

– Нет-нет! Ничего подобного. Ты не испортила краску. Ты сделала нечто гораздо большее – ты оставила здесь след от своего присутствия! Теперь любой, кто будет сидеть на этих качелях, увидит это и поймет: вот, здесь сидела Эйли, и однажды ей захотелось что-то нарисовать – и вот, что получилось. Это точно была она, потому что никто другой никогда не смог бы нарисовать такой рисунок!

Эйли рассмеялась в ответ:

– Да это же просто линия!..

– Нет, это не просто линия. Ты и сама это знаешь, но только не можешь объяснить. Не потому, что тебе не хватает слов, а потому что такие слова вряд ли найдутся. Есть ведь вещи, которые глупо пытаться называть словами, это пытаются делать только дураки, да и к слову сказать, не весьма успешно... А гораздо проще и правильнее сделать один маленький рисунок – и вот, все сразу ясно. Ведь я прав?

– Наверное...

Смит посмотрел на нее снизу вверх, улыбнувшись и кивая головой.

– Эйли, садись рядом со мной, – он хлопнул ладонью по белизне досок и махнул призывным жестом.

Эйли послушно приземлилась рядом, схватившись правой рукой за цепь. Смит оттолкнулся от земли ногой, и они отправились в аккуратный полет вперед и назад, ветерок легким прикосновением взвевал волосы Эйли, на лице у нее заискрилась улыбка.

– Это не просто линия, Эйли, в этом все и дело, – продолжал Смит, глядя то на светлое лицо Эйли, то на светлые дали впереди. – Точно так же, как эти качели – не просто качели, а что-то гораздо большее, так и эта линия, которую ты изобразил на них – это не просто линия, а что-то *гораздо* большее. – Смит улыбнулся и помолчал несколько минут, а потом произнес: – Скажи мне одну вещь, Эйли. Только скажи честно. От этого многое зависит. Ты когда-нибудь была там? – и он указал рукой вдаль.

У Эйли что-то дрогнуло внутри, в этот момент она почувствовала, будто сейчас, вот именно сейчас наступила главная минута ее жизни, причем эта минута уже идет, и Эйли уже находится внутри ее, и никто не мог думать, что она наступит именно сейчас и именно таким образом.

– Нет... – Эйли отрицательно помотала головой.

– А ты знаешь, что там находится?

Эйли снова помотала головой, не произнеся на этот раз ни звука. Она не могла себе представить, куда может увести этот разговор.

– Я так и думал, – Смит вздохнул, улыбнулся и положил руку себе на колено. – Ты ведь всю жизнь провела здесь, на этой горе, верно?

– Да, – ответила Эйли честно; ведь она действительно всю жизнь провела на этой горе.

– Скажи, а почему так? Неужели твои родители никогда не путешествуют?

– Почему же... – Эйли пожала плечами. Этот вопрос на самом деле показался ей странным – ведь это же так просто! – Почему же... Они путешествуют: вверх и вниз по горе...

– А тебя не берут с собой?

– Берут, даже очень часто! – Эйли смотрела на него очень внимательно, не понимая, что его так удивляет.

– А где ты бывала?

– О, я бывала во многих местах! – она улыбнулась не без гордости и подняла высоко голову, на синем небе ища названия тех мест, где она бывала. – Я видела все окрестные леса и озера. Я даже залезала на самый крутой склон в восточной части горы, немного повыше – ах, я же встречала там рассвет! – она с размаху хлопнула в ладоши и щелкнула пальцами. – Точно! Это был самый лучший рассвет, какой я видела! Я никогда не могла представить, что солнце может иметь такую форму!.. А потом я еще бывала в городе, что вверх по дороге, как-то он так называется... Гроксгриншампаль... Это же надо же было так его назвать... И еще в одном городе, он еще выше, до него вообще ехать три дня... И еще я была в городе, что в неделю пути отсюда вниз, там цветут зеленые сады, а фонтаны – ну с наш дом высотой, даже выше!.. И еще...

– Но это же все находится на горе! – улыбнулся Смит.

– Конечно!

– Но разве это путешествия?

Эйли замолчала и задумалась. Непреодолимая сила все толкала ее вперед и назад, ветерок подхватывал волосы, но округ не было ни звука, даже качели будто перестали поскрипывать – все затаилось. Или Эйли просто забыла обо всем.

– Я имею в виду другие путешествия, – вздохнул Смит, а глаза его беспрерывно смотрели вдаль, на прохладную и хрустально-чистую зелень холмистых лесов.

Глаза Эйли устремились туда же, и в этот миг снова привычная волна давних, знакомых и тщательно хранимых чувств подошла к ее глазам, и она снова не дала им вырваться наружу – быстрым морганием.

– Вы имеете в виду... – Эйли помотала головой. – Но туда же нельзя путешествовать!

– Почему, Эйли?..

– Так говорит папа... И мама тоже так говорит. Потому что это очень далеко. И если туда уйдешь – то назад уже не вернешься. А это очень грустно, когда не можешь вернуться назад.

– Это правда, – покивал Смит. – И твой папа с мамой тоже правы. О бывает еще грустнее. Например, когда ты не двигаешься вперед... Ведь скажи мне, Эйли, – Смит подогнул под себя одну ногу и сел на качели, повернувшись к Эйли. – Ведь, если честно, если честно – то ведь на самом деле ты хочешь туда? Побывать там. Увидеть, что там есть – какие люди, какие города, какие там слова, какие песни?.. Как бы ни была велика твоя гора, Эйли, – он широким жестом охватил все раскинувшееся вдалеке пространство, – все равно это больше, все равно там больше интересного и удивительного, все равно это целый мир, а твоя гора – это всего лишь гора. Разве я не прав?

– Зачем вы это говорите, господин Смит? – Эйли скрыла от него свои глаза, забежав ими по земле, летающей внизу назад и вперед. – Зачем?..

– О, Эйли, прости меня. Меньше всего мне хотелось тебя расстроить... – Смит ласково ей улыбнулся. – Я просто... Прости меня, если можешь. Но я видел твои рисунки, я видел, как ты часами сидела у окна в башне, как ты часами качалась на этих качелях, смотря все время вдаль... И я начал этот разговор только потому, что хорошо понимаю эти твои чувства. И самое главное: я, кажется, могу тебе кое в чем помочь.

Взгляд Эйли остановился в одной точке где-то внизу, а спустя несколько секунд метнулся на лицо господина Смита.

– Только для этого, – Смит погрозил указательным пальцем, – ты должна быть абсолютно честной со мной.

Эйли продолжала на него смотреть, не отводя глаз.

– Ты не можешь вот так попасть туда, это правда, – Смит печально кивнул. – Но если в тебе действительно есть то, о чем думаю – тогда тебе и не нужно туда идти. Понимаешь, Эйли, есть много способов открывать непознанное. Путешествие – это только один из них. И, пожалуй, самый простой. Путешествовать может каждый, у кого для этого достаточно сил и терпения. Но есть и другой способ, он доступен далеко не каждому человеку, он может быть доступен только тем... У кого внутри рассыпаны звезды.

– Это... как?.. – удивленно спросила у него Эйли.

Смит, услышав это, громко рассмеялся, запрокинув голову:

– Эйли, это ты спрашиваешь у меня?

Эйли отвела от него взгляд и снова опустила его в землю...

– Видишь ли, Эйли, бывают такие люди, которые родились со звездой внутри. Это обычные с виду люди. Не отличишь от других. Они не светятся в темноте, у них могут даже не сверкать глаза. В их речи нет ничего необычного, они вообще больше молчат... Но только некоторое время. Можешь представить себе, что в это время стоит очень пасмурная погода, и их звездочка затянута со всех сторон облаками. А потом приходит кто-то, или наступает что-то, что будто взмахом руки срывает с них эти облака, звезда вспыхивает. И тогда они – уже не обычные люди. Тогда уже у них горят глаза, и речь их заставляет замирать, не чувствуя под собой земли. Вот таким людям доступен тот тайный способ, о котором я говорю.

– Они, наверное, просто очень смелые, – вздохнула Эйли печально.

– Нет, это может быть и не так. Они могут быть даже и весьма трусливые, – улыбнулся Смит.

– Ну, тогда, наверное, у них много денег. Или они просто ловкие и быстрые.

– Нет, чаще всего у них как раз не много денег. И они не быстрые, да и путешествуют они вовсе не с помощью ног.

– А тогда с помощью чего? С помощью крыльев – они умеют летать?..

– Нет, они путешествуют с помощью своей головы.

– Как это можно сделать?.. Они фантазируют?..

– Да... и нет. Да, они фантазируют – но одновременно это больше, чем фантазия. Бывают такие случаи... Иногда все так складывается вокруг, в дело вступает одна очень большая сила... и это перестает быть фантазией. Так бывает иногда – с некоторыми людьми.

– Вы говорите какие-то непонятные вещи, – взглянув на него, сказала Эйли.

– Может быть, – ответил Смит. – Ты этого пока не можешь понять. И я не говорю тебе всего хотя бы потому, что об этом еще рано говорить.

– Но вы уже начали! – обиженно воскликнула Эйли.

Смит в ответ поднял указательный палец прямо у ее носа:

– Я не могу сказать об этом кому попало.

– Я не кто попало! – воскликнула Эйли еще обиженнее.

– А докажи мне это, – как ни в чем не бывало ответил ей Смит, сложив на груди руки и откинувшись назад.

Эйли быстро заморгала глазами и раскрыла от удивления рот.

– Как я могу вам такое доказать?.. – она грустно пожалала плечами.

– Очень просто. Я буду задавать тебе вопросы, а ты будешь на них отвечать. Только отвечай честно. Хорошо?

– Хорошо! – тут же воскликнула Эйли, не успев об этом подумать как следует.

Но подумав, она не пожалела о том, что так быстро согласилась. Это было необычно и совсем не опасно!

– Тогда попробуй вот что сделать, – Смит на минуту задумался, разыскивая вокруг себя глазами, что бы ей велеть. – Закрой глаза. Я теперь скажу тебе какое-то слово, а ты поста-

райся представить какую-нибудь картинку. И назовешь мне первую, какая придет тебе в голову. Но только самую первую!

– А если я ничего не представлю?..

– Тогда так и скажешь.

– Хорошо.

– Ну, будь внимательна. Закрой глаза.

Эйли послушно сомкнула ресницы, и темнота поглотила весь окружающий ее мир. Свет солнца ударял по векам и слегка окрашивал эту черноту в красный цвет. Эйли приготовилась всем своим существом, сжала руки в кулаки и зажмурилась еще сильнее.

– Готова? – спросил ее Смит.

– Ага, – ответила она.

Наступила тишина, в течение которой Смит раздумывал, какое слово ему лучше произнести, и наконец сказал:

– Корабль.

Несколько секунд стояла тишина, и потом, увидев лучистую улыбку на лице Эйли, Смит спросил:

– Ну, расскажи.

– Я представила корабль, – честно ответила Эйли.

– Это правильно. Но скажи, какой он. Опиши его. Какой именно корабль?

– Большой. Парусный.

– У него много парусов?

– Очень много! У него пять мачт, он такой длинный, что на нем можно устраивать лошадиные бега, и такой высокий, что флаг наверху должен быть... ну, наверное, с нашу крышу, чтобы его кто-нибудь заметил!..

– На нем есть люди?

– Да! А как же? Сотня людей, не меньше, а то и две сотни – бегают, лазают по нему, носятся взад-вперед, ползают по веревкам, что-то вяжут, тянут, обрубают... А наверху, на мостике – конечно, капитан, стоит у руля, в большой седой бороде, с трубкой, держит курс...

– Этот корабль куда-то плывет?

– Да, он куда-то плывет... Кругом море, поднимаются волны, на палубу летят брызги, и все шумит вокруг...

– А куда он плывет?

– Ну, этого я не знаю...

– Придумай!

– Как же «придумай»?.. – изумилась Эйли, собираясь вопросительным взглядом посмотреть на Смита, но тот тут же перебил ее:

– Нет-нет! Нет, Эйли, не открывай глаза! – он быстрым движением положил ей на глаза ладонь – и тут же убрал. – Не надо, не открывай!.. Не упускай его. Откроешь глаза – и упустишь, и он уплывет, а ты так и не узнаешь, куда. А сейчас у тебя еще есть шанс – давай, давай, думай! Выясни, куда он направляется!

– А как мне это узнать?..

– Придумай историю, Эйли! Что может быть проще?

Эйли плотно прижала носки своих ног друг к другу. Ей вдруг стало казаться, будто она сейчас видит сон – все это было точно как во сне, когда ты можешь увидеть самые невероятные приключения, словно читаешь превосходную книгу, а потом будешь поражаться – какой же гений смог выдумать такую потрясающую историю, не понимая или забывая при этом, что этот гений – твоя фантазия, которая трудилась, пока ты спал.

– Он плывет... Наверное, куда-то... В какую-то страну?.. Нет, не в страну – он плывет на какой-то остров, точно-точно! На какой-то далекий остров, где никто не живет.

– А зачем? Искать там сокровища?..

– Нет, это не интересно! Кто удивится кораблю, плывущему на остров искать сокровища? Нет, он движется туда зачем-то еще... И я знаю, зачем!

– Ну, и зачем же?..

– Дело в том, что это очень большой остров! Очень-очень большой! И он очень далеко. И корабль этот такой большой не потому, что на нем много пушек и его сложно потопить, а потому, что на большом корабле можно перевести очень много разных вещей. И плывут эти люди на остров, который пуст – то есть он пока пуст, а как только они туда придут – на нем появятся люди, они спустят на сушу весь груз, и на этом острове появятся дома. Потом люди начнут трудиться, и там появятся поля пшеницы, а рядом с ними – мельницы, большие и высокие, с такими широкими большими крыльями, они будут медленно-медленно крутиться, а пекари станут печь хлеб! Да-да!.. – Эйли рассмеялась, запрокинув назад голову, и заболтала в воздухе ногами, опускаясь и поднимаясь над землей. – А потом а этом острове расцветут сады и будут бить высокие-превысокие фонтаны, а в самой северной его части, на вершине скалы, окруженный зелеными рощами о большим-пребольшим озером – вырастет замок, в нем будет ровно, – Эйли подняла указательный палец, – ровно пять башен: четыре по бокам и одна в центре, они будут тонкие и стройные, издали они будут напоминать иглы, а на центральной будет развеваться флаг – длинный, как лента, и красный. С этой башни будет виден весь остров от края до края, по утрам на востоке всегда будет видно встающее из моря солнце, а когда придет вечер – на западе всегда будет виден закат, и это будет лучший в мире закат солнца, вот так вот!

Эйли сама себе поразились, какую картину она смогла придумать и увидеть всего лишь за пару минут. Ну точно как во сне! Теперь ей и самой уже не хотелось открывать глаз – ведь если откроешь глаза, то все исчезнет – и корабль, и этот великолепный остров, а это все-таки *ее* корабль и *ее* остров...

– Эйли, ну а зачем это все?

– Как зачем...

– Ну, все же должно иметь какую-то цель – какой-то смысл? Зачем нужен этот остров?

– Хм... – Эйли задумалась. – Он нужен, потому что без него нельзя.

– А почему нельзя?

– Потому что кто-то без него погибнет. Потому что в том месте, откуда отправился этот огромный корабль, идет война, и там люди убивают друг друга... Я слышала, что такое бывает с людьми. Но хозяин этого корабля, наверное, очень богат, и у него есть кто-то, кого он очень любит, поэтому хочет увезти его на этот остров. Наверное, это женщина... И он хочет спасти ее. Да, ей очень нужен этот остров. Потому что там не бывает войн, наверное...

Смит нахмурился, покачал головой и улыбнулся:

– Он, наверное, хороший человек, этот хозяин корабля?

– Да, наверное... – Эйли подумала немного. – Хотя его просили... Его очень просили не уплыть и остаться. Чтобы помогать людям, которых он, получается, бросает. А его очень просили не бросать их... Потому что он очень богат. И он мог бы помочь этой войне побыстрее закончиться. Ведь он мог бы это сделать!.. Тогда меньше людей погибли бы. Но зато та женщина была бы в опасности. Вот... И он все же решил уплыть оттуда подальше. Он не поверил, что мир, в котором он жил, можно исправить – и захотел построить свой, который не нужно будет исправлять, потому что он сразу станет таким, каким должен быть... Окружающие люди говорили, предупреждали его, что мир всегда одинаков, везде он один и тот же, что нельзя построить островок счастья – что бы вы ни строили, получится все как раньше, и смерть и война все равно придут к вам, как бы вы ни отгораживались от них – ему говорили, но он никого не слушал... И уплыл на остров.

Эйли на минуту замолчала.

- И что же дальше?.. – спросил Смит, внимательно на нее смотря и сложа руки на груди.
- Дальше я не хочу придумывать, – ответила ему Эйли, открыв глаза.
- Она вновь смотрела вдаль, а лицо ее сделалось грустным.
- Зачем ты открыла глаза, Эйли? – улыбнулся Смит.
- У этой истории не хороший конец, – она пожала плечами, не смотря на него, – наверное, я зря ее придумала.
- А ты делай так, чтобы конец был хорошим.
- Не могу.
- Почему же?..
- Я же говорю: потому что у этой истории не хороший конец. Другого я не знаю!..
- Смит кивнул.
- А тебе никогда не казалось, что для истории нехороший конец может быть гораздо лучше, чем хороший?
- Нет... Почему?
- Потому что так интереснее. Если ты хочешь, чтобы мир стал лучше от твоей истории – то тебе стоит окончить ее нехорошо. Чтобы история получилась грустной. Ведь именно грустный конец заставляет людей думать, что в окружающем их мире что-то не так, и что-то нужно изменить. Вот так вот: иногда люди, придумывающие истории, приносят своих героев в жертву только доля того, чтобы настоящие люди начали сомневаться в чем-то. Так что твоя история не так уж плоха! И не зря ты ее придумала.
- Историю с хорошим концом, оказывается, придумать не так-то легко, – вздохнула Эйли.
- Да, но только *хорошую* историю с хорошим концом. Это не каждому под силу. Но давай попробуем еще раз. Первое задние у тебя получилось очень хорошо!
- Правда?..
- А как же! Ты молодец, это правда. Теперь я назову тебе еще какое-нибудь слово. И ты снова придумаешь историю. Только на этот раз у нее будет хороший конец. Ладно?
- А если у меня не получится?
- Ничего страшного. Самое главное – чтобы ты попробовала.
- А, а я знаю, какое слово вы скажете, – Эйли засмеялась, хлопнула в ладоши и шелкнула пальцем: – Азимут! Или еще лучше: – она подумала секунду, – например, параллакс!..
- Смит рассмеялся и махнул рукой:
- Не-ет, Эйли, ха-ха!.. Это было бы нечестно. Нет, я лучше вот что скажу... Закрой глаза...
- Эйли послушно закрыла глаза, положила ладони на колени и улыбнувшись, приняла на качелях строгую позу, будто она была на спиритическом сеансе.
- Звездное собрание, – произнес негромко Смит и сложил руки на груди, как он делал это раньше.
- Звездное собрание... – повторила за ним Эйли еле слышно.
- Ты знаешь, что это такое.
- Конечно, я знаю...
- Ну как? Ты представила что-то?
- Эйли минуту молчала, не издавая ни звука, не шевелясь. Казалось, бабочки, летавшие вокруг, приняли бы ее за цветок, дерево или еще какое-нибудь природное создание и приземлились бы ей на плечи, если бы не мерные движения качелей, а соответственно – и Эйли вместе с ними. А потом она сказала шепотом:
- Я его вижу...
- Что ты видишь, Эйли?
- Большую россыпь звезд.
- Правильно, это и есть...

– Нет, – перебила его Эйли, – она не такая, как я думала. Помните, вы говорили, что там, вдалеке, все – не то, чем нам видится? И эти звезды – совсем не такие... Все дело в том... Все дело в том, что они не россыпь, – Эйли отрицательно помотала головой, сглотнув плотный комочек в горле, – это *сеть* звезд. Они связаны друг с другом!.. Нам отсюда, с Земли, они не видны, потому что они очень далеко. Но то, что их связывает – не видно даже в телескоп. Я никогда не могла себе такое представить...

– Что там? Эйли, то ты видишь?

– Там вокруг каждой звезды вращаются планеты. Много планет. Ну, как вы мне рассказывали, наша Земля вращается вокруг Солнца. А вокруг каждой планеты вращаются спутники – как Луна вокруг нас. А вокруг спутников – еще спутники.. И все это движется, вертится – как большая, огромная система, которую нельзя охватить одним взглядом. И самые мелкие спутники, вращающиеся медленнее всех, но принадлежащие к разным звездам – каким-то образом связаны друг с другом, они находятся близко и цепляются друг за друга, не касаясь, а действуя друг а друга какой-то силой, как шестеренки в часах цепляются дуг за друга зубцами. Так все эти звезды объединяются в сеть.

– Эйли...

– Знаю-знаю-знаю!... – она быстро замотала головой. – Вы скажете мне, что такого не бывает. Что это противоречит очень умной науке... Конечно, вы правы!

– Не-ет, это не так! – воскликнул Смит. – Почему же? Это твое звездное собрание, Эйли! Там может быть все, что угодно.

– Тогда оно именно такое, как я вам рассказала.

– Отлично, Эйли! Только где же история? С хорошим концом?

– А это и есть хороший конец. Да! Я придумала конец всех историй.

– Что ты имеешь в виду, Эйли?..

– Это место, куда отправляются все люди рано или поздно. Поэтому это и есть конец всех историй. И притом очень хороший конец! Ведь это место – лучшее место для людей, которое только можно придумать.

– Что ты хочешь сказать?.. Они отправляются... то есть, мы отправляемся туда после смерти?

– Я не знаю. Нет, наверное, не после – *перед* смертью. А самой смерти и вовсе не бывает, разве вы не знаете этого?

Смит нерешительно кивнул и посмотрел на Эйли вопросительным взглядом.

– Да-да, не бывает! – твердо кивнула она. – Вы видели ее? И я не видела. А тот, кто мог бы видеть – тот сейчас в другом месте и обратно не хочет приходить. А знаете, что: на самом деле и он не видел смерти – все потому, что ее нету! Люди ее зачем-то выдумали, наверное, чтобы здесь им было поуютнее... Но их можно извинить: ведь они же не знают, что перед самой смертью отправляются *туда* – в место, где никакой смерти нет. Об этом знаю только я. Ну, и вы теперь.

– Скажи мне, Эйли, – Смит побродил взглядом по небу в поисках вопроса, – а зачем же в таком случае люди живут на *Земле*?.. Какой здесь смысл? Ведь они могли бы жить сразу прямо там, в твоём звездном собрании?

– Наверное, могли бы... – Эйли пожала плечами и задумалась, глядя в темноту своих закрытых век. – А нет, не могли бы!

– Почему?..

– А это очень просто. Потому что люди – это вроде детей. Ну, вроде того. А ведь считается, что дети мало понимают в жизни. И их надо учить. Поэтому они и живут на Земле. Чтобы учиться. И, кстати, не только на Земле. Есть ведь, наверное, и другие планеты с людьми...

– Учиться? Чему именно учиться?

– Ну как же! Учиться жить по-настоящему: правильно и хорошо. Так, чтобы можно было прийти в то звездное собрание, поселиться там и ничего не разрушить. Ведь если там появится хоть один человек, который живет не правильно – то все, всему конец! Все там рухнет! А жить так, чтобы ничего не уничтожить, люди сразу не могут. Их надо учить... Ну, или, хотя... Бывают, наверное, исключения. Ну как же без исключений!.. Ведь без них нельзя, господин Смит?.. И бывает, люди совсем рано становятся готовы к правильной жизни. Или даже сразу рождаются готовыми... Тогда они сразу уходят жить туда. Вот. И... – Эйли быстро закивала головой. Она была очень рада тому, что ее глаза сейчас закрыты. – И это, кстати, многое объясняет! – Она похлопала ладошкой по своему колену. – Да-да. Именно поэтому плохие люди часто живут долго и уверенно, а добрые, мягкие или просто очень хорошие – гораздо меньше. Им просто не нужно столько времени! А еще знаете, что...

– Что, Эйли?..

– А еще, наверное, вот что... Люди, наверное, со временем глупеют.

– Почему?..

– То есть... Ну, они умнеют, конечно, они ведь постоянно думают, изобретают, открывают разные науки, смотрят все время на звезды... Но при этом все равно глупеют! Потому что им нужно все больше и больше времени, чтобы учиться. Они задерживаются на Земле все дольше и дольше... Хотя, может быть, просто учиться приходится все большему количеству вещей... Но мне кажется, все-таки не поэтому. А знаете, наверное, почему?

– ?

– Потому что с каждым веком они все дольше и дольше остаются детьми. Все медленнее взрослеют. А?.. Наверное, настанет такое время, когда Земля больше не сможет учить людей? Просто потеряет способность к этому. И тогда людям придется уйти с Земли – куда-нибудь в другое место.

– Эйли, у тебя снова вышла грустная история...

– Но зато у нее хороший конец! Правда ведь?.. – она открыла глаза и прищурившись, посмотрела на него.

Смит рассмеялся негромким, каким-то внутренним смехом, глубоко вздохнув. Он с улыбкой щелкнул уголком рта и сказал:

– А ты здорово придумываешь истории, Эйли!

Эйли пожала плечами:

– Не знаю... Бывает...

– А ты пробовала это делать?

– Придумывать истории? Иногда. То есть, они сами придумывались.

– А можешь рассказать какую-нибудь?

Эйли отрицательно помотала головой.

– Почему?

– Я их уже не помню.

– Не может такого быть!

– Ну, я просто не пыталась их запомнить.

– А записать?..

– Нет. Зачем все это? Если все равно кроме меня их никто не прочитает.

– Ну, а я, например?

– Ну я же не знала, что вы придете. Да и все равно, даже если бы я и попыталась, у меня бы получилось плохо. Ведь придумать историю – это одно, а рассказать ее – совсем другое, да?

– Пожалуй, что так.

– Вот потому я и не хочу этого делать, – Эйли пожала плечами и обвила правой рукой белую цепь, прислонившись к ней виском и почувствовав при этом движение качелей как-то по-особому, будто она вдруг присоединилась к ним и стала их частью.

– Все равно, если хочешь совет – попробуй как-нибудь это сделать, – Смит устроился на качелях поудобнее, поменяв положение ног. – Да, если историю можно придумать за пять минут, а то и вообще мгновенно, то рассказывать ее – дело долгое, а иногда даже скучное. Но и в этом есть своя прелесть. И если ты эту прелесть, Эйли, поймал за хвост – то получишь путь, может быть, к самому большому наслаждению в мире. Ну, или *почти* к самому большому.

– Ладно, я буду рада попробовать, – улыбнулась Эйли.

– Конечно! Ну а теперь, пожалуй, мы с тобой попробуем еще кое-что сделать.

Эйли сначала удивленно подняла брови, а потом быстро кивнула и даже потеряла руки в предвкушении чего-то интересного. Теперь для нее настало время, когда вся тревога куда-то исчезла и явно не собиралась возвращаться. Эйли уже не думала, что Смит может что-то подумать (хотя он, конечно, мог, но Эйли об этом уже забыла), и сама важность этого разговора, которая так сильно ударила Эйли прямо по носу в самом начале, теперь стала привычной, и Эйли перестала ее замечать.

А тем временем Смит легким движением окунул кисть во внутренний карман и, словно фокусник (каких Эйли видела в том большом городе вниз по горе), вынул оттуда в своих длинных пальцах записную книжку и карандаш. Не думая ни секунды, он открыл какую-то страницу и на весу стал выводить на ней что-то карандашом. У Эйли была возможность следить только за задним кончиком карандаша, и она следила за ним так внимательно, будто это он чертил что-то на бумаге, а не его противоположный сосед. Хотя, в общем, примерно так и было: по его движениям Эйли пыталась понять хоть отдаленно, что же рисует Смит.

– Сейчас, – говорил Смит, доканчивая рисунок, – я нарисую вещь, которую некоторые люди очень боятся. Или опасаются. В общем, вещь, с которой люди не хотят в своей жизни встречаться. Понимаешь, что я имею в виду?..

– Кажется, – кивнула Эйли.

– Да, – в ответ тоже кивнул Смит, – человеческий страх. Вот, – Он оторвал карандаш от бумаги, окидывая свой рисунок оценивающим взглядом. А потом, одобрительно моргнув глазами, передал Эйли карандаш. – А теперь ты попытайся дорисовать мою картинку так, чтобы она перестала быть страшной. Сможешь?

– Попробую, – ответила Эйли.

– Тогда держи!

Он передал ей записную книжку, и она внимательно взгляделась в рисунок.

В книжке Смит изобразил большого, толстого, до жути неприятного паука, с жирным брюшком, растопырившего свои членистые лапы, поросшие тонкими волосками. Рисунок был очень хороший и правдоподобный, будто бы он был взят из какой-то научной книги, и больше всего на Эйли подействовали именно эти тонкие волоски, которые покрывали не только лапы, но все тело паука – словно маленькие иголки, и при этом было такое ощущение, будто каждый волосок в отдельности живой, шевелится и думает о том, как бы впитаться и высосать из большого существа маленькую часть его жизни.

В раздумье Эйли прикусила задний кончик карандаша, забыв, что карандаш этот чужой и так, наверное, не стоило бы делать. Ну а потом, немного подумав, она сделала вот что: изобразила рядом с пауком ровно пять маленьких паучат, причем так, что каждый из них своей тонкой маленькой лапой держался за одну из лап большого паука, как обычно дети держатся за руку своих родителей. И передала рисунок обратно Смицу.

Смит, взглянув, хмыкнул и кивнул головой:

– Действительно, так намного лучше, – он повертел рисунок в руках. Ответ Эйли оказался ничуть не хуже по мастерству, только теперь это была иллюстрация не к научной книге, а скорее к какой-нибудь сказке. – Ладно, попробуем еще раз. Сейчас я придумаю еще что-нибудь.

Он взял карандаш и принялся быстро рисовать в книжке. Эйли терпеливо ждала. Наконец он отдал ей книжку, и там была нарисована большая высокая гора, над которой поднималась черная туча горячего дыма и пепла.

– Что это, вулкан?.. – нетвердо спросила Эйли.

– Да. Считай, что это самый разрушительный вулкан на свете. Не дай Бог оказаться с ним рядом!

– И что же мне с ним делать?.. – Эйли покачала головой, повертела карандаш в пальцах – и принялась рисовать.

Она нарисовала гигантский чайник, который висел над горой, как над костром, и грелся. Потом, подумав, нарисовала рядом еще аппетитный кусок мяса на вертеле, который коптился в дыме, выходящем из горла вулкана.

Смит, осмотрев, улыбнулся и кивнул. Потом молча взял карандаш, перевернул страницу и нарисовал еще одну картинку. Отдав ее Эйли, он сказал:

– А так?..

Эйли, увидев рисунок, нахмурилась. Смит нарисовал Смерть – высокое, грустное, сутулое существо в черном плаще с капюшоном и с суковатой косой в руках. Она была нарисована контуром и закрашена плотно сплошь черным цветом.

Эйли наклонила голову и недовольно промычала, после чего быстро сообразила, как можно исправить рисунок. Она начертила вокруг Смерти ровный квадрат – и закрасила внутри него в черный цвет все, что было белым. Смерти просто не стало видно – только квадрат черного цвета.

– Вот так, – воскликнула она, взмахнув карандашом, и отдала рисунок Смиту.

– Ого, – Смит качнул головой. – Это уже интереснее.

– Если бы вы не знали, что там было нарисовано, то вам бы было совсем не страшно, – оправдалась Эйли. – А если бы вы меня спросили, что там было, то я бы вам ни за что не ответила!

– Хорошо, ты меня убедила, – Смит почесал свой затылок. – Боюсь, ты кого хочешь убедишь! Но я тебе придумал еще рисунок. Смотри.

Он почертил что-то и протянул Эйли книжку, в которой теперь раскинулась целая черно-белая картина: большая холмистая равнина, совершенно пустынная и заброшенная, без единого признака жизни, какие-то высокие скалы вдалеке, ни озера, ни реки, ни ручейка, ни одной птицы, ни куста, ни травинки – только одно высокое и старое дерево в самом центре картины. Этому дереву, наверное, была не одна сотня лет: ствол его снизу был гол до половины, а листва его росла только с одной стороны, на другой же стороне остались только старые изломанные и сухие ветки, отжившие свое.

Эйли взяла рисунок в руки и задумалась на время. Она несколько раз перекинула глаза с рисунка на зеленеющие равнины вдалеке, но ни разу не взглянула на Смита. А тот сложил руки на груди и терпеливо ждал. Вот ее рука коснулась карандашом листка... И снова замерла на месте, не издавая ни шороха.

В конце концов из-под кончика грифеля в руке Эйли вышло второе дерево, стоящее рядом с первым. Такое же высокое, такое же старое, такое же сухое и с облетевшими наполовину ветками. И листва у него тоже была только с одной стороны – но только теперь это было не случайно. Эти деревья были обращены листвой друг к другу и тянулись друг к другу ветвями, как растения обычно тянутся к свету.

– Все просто, – улыбнулся Смит, увидев ответ Эйли. И незаметно для нее щелкнул пальцами в кармане брюк. – Ну, достаточно. – Он убрал записную книжку и карандаш обратно во внутренний карман. – Наверное, тебе все эти задания показались странными?..

Эйли засмеялась:

– Да все, что вы делаете, кажется мне странным!

– Возможно. В этом ты не одинока. Однако вернемся туда, откуда все началось. Если ты помнишь, я обещал помочь тебе.

– Да, я помню... Только я не понимаю, как!

– Что же, смотри сюда.

Смит таинственно и многозначительно посмотрел на Эйли, после чего его рука снова опустилась во внутренний карман. Смит достал оттуда маленькое зеркальце круглой формы, размером с ладонь. Зеркальце было удивительно чистым, блестящим, и по мгновенному наблюдению Эйли, несколько искажало предметы, растягивая и кривя их, как поверхность льющейся воды.

– Вот, это тебе должно помочь, – сказал Смит, вертя зеркало в руках.

– Что это?. – удивилась Эйли. – А у меня такое есть!..

– Нет, Эйли, это не обычное зеркало.

– Оно кривое?

– Да, оно немного вогнутое, но даже не в этом дело. Это зеркало – особенное. И оно для особенных людей. Для людей со звездой внутри. Таких, как ты.

Эйли замерла на секунду и задержала дыхание перед тем, как взять зеркало в руки.

– Смотри, будь с ним осторожна. Не разбей. Не поцарапай. Не испачкай. Не трогай стекло руками. Это зеркало любит, когда с ним обращаются бережно, – говорил Смит, протягивая зеркало Эйли.

Эйли взяла зеркало за небольшую ручку. Оно оказалось очень легким. Стекло было помещено в резную и гладкую оправу из слоновой кости, белеющую на солнце.

– А что мне с ним делать?.. – с недоумением спросила Эйли.

– Я тебе расскажу. Это очень просто, – Смит осмотрел небо быстрым опытным взглядом. – Посмотри, какая сегодня хорошая погода. На небе совсем мало облаков. Это зеркало действует вот в такие дни. Так что прежде всего посмотри, чтобы на небе было мало облаков. Как принято у нас: если хотя бы половина неба затянута – ничего не получится.

– Ну, а если небо чистое? Как сейчас?

– Посмотри туда, – Смит протянул руку и указал пальцем вдаль, на зеленеющие равнины и леса. – Помнишь, ты сидела по вечерам в башне и смотрела на те места долгими часами. И ты наверняка видела множество ярких огней. Ведь так?

– Конечно!

– А это значит, что там, вдалеке – есть города. И живут люди. Ты помнишь примерно те места, где ты видела огни?

– Помню...

– Тогда тебе нужно делать вот что, – Смит осторожно протянул руку и взял Эйли за запястье. Он поднял ее кисть, повернув зеркало в ее руке в сторону равнин. – Направляй это зеркало туда, где ты видела огни. И держи. И слегка, легкими, ровными движениями, вот так, – он поводит ее кисть вправо-влево, – двигай зеркало, будто ты наводишь луч на дома, которые стоят там вдали. И делай это раз в день, обводя своим лучом все дома и всех людей, которые там живут или могут жить.

– Вы... – Эйли помотала головой. – Вы хотите, чтобы я пускала вдаль солнечные зайчики?

Смит задумался.

– Да! – ответил он. – Именно так. Я хочу, чтобы ты пускала солнечные зайчики вдаль. И именно этим зеркалом!

– Но зачем?

– Зачем?.. – Смит вздохнул, опустил кисть Эйли и откинулся на спинку качелей. – Когда-нибудь, Эйли, в какой-нибудь из дней ты увидишь ответ. В какой-нибудь из дней в этой дали блеснет огонек, который ты не сможешь не увидеть, потому что он будет такой яркий, как

не снилось ни одной звезде. И этот огонек будет ответом именно тебе, Эйли. И никому другому. Его тебе пошлет тот, кто сможет читать твои истории. Такой человек живет там, в одном из тех городов, это я тебе говорю с полной уверенностью. И он уже давно ищет тебя, и вот узнает, что ты его, оказывается, тоже ищешь, и пошлет тебе в ответ такой же солнечный зайчик. И вы узнаете о существовании друг друга. Ну, а после этого он примчится к тебе, где бы он ни жил, и ничто его уже не остановит. Он обязательно отыщет тебя, ведь такая гора у нас в округе одна, и найти тебя на ней будет не сложно. Я ведь нашел! И он тоже будет спрашивать людей, достанет карту, или хотя бы – купит телескоп, чтобы найти тебя... Ну, а когда он примчится к тебе – он изменит всю твою жизнь. Перевернет ее с ног на голову. И он поможет тебе уйти дальше своей горы, он поможет тебе спуститься с нее. Ведь с ним не будет страшной никакая даль. И ты тогда узнаешь, что твоя гора – это не конец вселенной, а ее маленькая часть. Ты увидишь земли, которые есть вокруг твоей горы. Уйдешь за горизонт и узнаешь, что за горизонтом, оказывается, есть такие же горы, как твоя, даже еще больше... Ты все-все это сможешь тогда увидеть! Только когда это случится – ты вернешь мне зеркало обратно, ведь оно тебе уже не будет нужно. А мне еще пригодится, или еще кому-нибудь. Так что прошу еще раз: не испорти его!..

Эйли некоторое время не сводила глаз с какой-то точки в дальних туманных облаках на самом горизонте, а потом сказала:

– Не испорчу.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Что же, тогда начинай поиски! Сегодня день как нельзя хорош. Ну а я тогда пойду...

У меня ведь есть еще дела.

Сказав это, Смит соскочил со своего сиденья, потрогав его рукой.

– А у тебя прекрасные качели, Эйли! Я в детстве только и мечтал о таких. О, если бы я тебя тогда увидел – как бы я завидовал!

Он обошел качели кругом, но уходя, вдруг остановился рядом с Эйли и, взяв ее за руку, сказал ей:

– Да, еще, конечно же: все это произойдет не мгновенно. Кто-то пошлет тебе ответ, но нужна определенная... сила, определенное время, чтобы он начал тебя искать и нашел. Поэтому запомни: как только ты увидишь блеск вдалеке, как только ты увидишь ответ – немедленно скажи мне! Это очень важно, иначе может не получиться!..

– Хорошо, я скажу... – ответила Эйли в каком-то полузабытьи.

– Да-да, скажи обязательно! Ну, я пошел, – он улыбнулся, похлопал ее по руке и удалился, добавив только: – Удачи!

Проходя по камням, гравию, а затем по тропинке, он не издал и звука.

В общем, эта беседа полностью изменила внутреннее мироощущение Эйли, и еще бы: она несколько часов подряд просидела, держа в руках зеркало и пуская им вдаль солнечные лучи. При этом глаза ее сами по себе сверкали так, что зеркал получалось, наверное, не одно, а ровно три. Внимательно нахмурившись, она прыгала взглядом с одного места на другое в поисках ответного огонька, и была при этом похожа на какую-то быструю и внимательную птицу, высматривающую вдалеке все, что может блестеть.

Однако, просидев часа три или четыре, она так ничего и не увидела. А потом стали собираться тучи на небе, всего за каких-нибудь пятнадцать минут они затянули собой ровно полнеба, и следуя инструкциям Смита, Эйли соскочила наконец с качелей и отправилась домой. Она была огорчена, но не расстроена. Ведь это только первый раз. И впереди еще очень много времени!

Следующий день, как назло, выдался очень пасмурным, все небо стало серым, солнце словно отгородили мутным стеклом, свет его рассеялся, все тени куда-то исчезли, и цвета всех предметов вдруг стали прохладными, свежими и немного влажными. Эйли весь день, с утра до вечера, не находила себе места: она то сидела за столом, бегая по нему пальцами и кусая щеку, то ходила взад-вперед по всему дому, поднимаясь по лестнице к башне, останавливаясь прямо возле двери Смита и делая резкий поворот кругом через левое ледо, после чего спускаясь обратно и повторяя это снова и снова. То она выходила из дома наружу, внимательно и с надеждой глядя на небо в поисках хоть какой-нибудь голубой дырочки. Появись она, эта голубая дырочка – и можно было бы надеяться, что она в конце концов расширится и вырастет до размеров целого неба... Но ее не появлялось, как назло.

Смит же, который (как, в общем, и все в доме) замечал такое странное поведение, все время хранил дистанцию и молчал, и притом за этим молчанием явно что-то скрывалось. Даже Эйли, занятая в этот день, наверное, как никогда своими мыслями, замечала, что за молчанием Смита что-то скрывается. Но только было не понятно, что именно – еще бы, ведь на то оно и скрывается, чтобы быть непонятным!

А когда наконец день стал подходить к концу и без того тусклый, огонек солнца стал опускаться куда-то в туман и тускнеть еще больше, в дверь их дома постучали, и на пороге появился почтальон с посылкой. Это было уже привычным делом, только теперь Эйли как-то неожиданно подскочила со своего стула, прямо выстрелив с него пробкой, и воскликнула:

– А можно, можно я отнесу?.. – и посмотрела на родителей неожиданно таким взглядом, что они, пожав плечами, не смогли отказать.

Зачем ей вдруг понадобилось относить посылку Смигу собственноручно, она сразу не смогла понять. Она поняла это несколько позже, когда, поднимаясь вверх по лестнице, она обнаружила, что посылка эта несколько отличается от других. И отличается именно тем, что коробка, содержащая посылку, в одном месте имела трещину, и самое удивительное – вот подарок! – из этой трещины заманчиво выглядывал белый уголок бумаги.

Эйли остановилась, как вкопанная, увидев это. Пальцами другой ноги она почесала себе щиколотку – наверное, хотела почесать затылок, но руки были заняты. Нахмурившись и включив фонарики в глаза, Эйли подняла посылку на уровень своего лица и внимательно взгляделась в уголок бумаги. Улыбнувшись, она поставила посылку на перила, и одной рукой придерживая ее, потянула за этот уголок. Бумажка вытянулась сантиметров на пять, а потом застряла, не желая больше выходить наружу. Эйли поняла, что если она приложит еще усилий, то бумага порвется – и остановилась, решив, что этого достаточно. На бумаге были видны какие-то буквы.

Вот это было действительно интересное положение! Некоторое время Эйли думала, читать ей эти буквы или нет. Но думала она совсем не много, решив окончательно, что это – просто подарок судьбы, не воспользоваться им будет даже просто глупо. Разве ее идея была уронить где-нибудь посылку или бухнуть на нее что-нибудь тяжелое, чтобы коробка треснула? И листку бумаги выглянуть из трещины тоже, между прочим, не она предложила. Она только вытянула его чуть-чуть – ну подумаешь! Тем более, это было давно, и говорить об этом вообще уже поздно.

Итак, собрав свою наглость в кулак, Эйли вся изогнулась в басовый ключ, чтобы слова на бумаге стали параллельны глазам, и сала читать.

«Невероятно! Поразительно еще и то, что...» – дальше слова уходили через трещину вглубь посылки, и первая строка заканчивалась. Эйли недовольно покряхтела, но не расстроилась, потому что впереди были еще строки, и побольше этой!..

«...и это меня приводит в замешательство. Однако,...» – снова не слишком. Эйли жадно кинулась дальше, бегая глазами со скоростью звука.

«...ваши поиски, дорогой друг. Я рад тому, что вы продвигаетесь (с ваших же слов)...» – так, уже лучше!

«...берегитесь этого, ради Бога. Если бы вам знать, какая это опасная вещь! Есть вещи, которые мир прощает, но...»

«...вашей выгоде. Но все же мы восхищены вашим трудолюбием и вашим стремлением к цели – это качество, которого...» – хорошее качество, правда. Но дальше!...

«...-ной Звезде – это не легенда, а самая настоящая правда! И если вам удастся это доказать, то ваше имя нав...»

«...поможет вам. Секреты всегда раскрываются! Может быть, за редким исключением. А она сама, как вы говорили...»

«...и это может изменить всю ее жизнь, помните. Про моральную сторону мы с вами говорили, может быть, сотню раз, но я повторяю снова. Она – ...»

«...между прочим, человек. Причем человек, похоже, во много раз лучший, чем мы с вами. Поэтому берегите...»

«...удачи. Чего еще я теперь могу пожелать...»

«...жду письма от вас до...»

«...друг.»

И все. На этом поток слов кончился, и Эйли разогнулась обратно.

Что означают все эти слова, она не могла и представить. Роем поднялись самые разные догадки, но ни одна из них не могла приземлиться на твердую почву, чтобы стать чем-то большим, чем просто догадка. В целом в мыслях Эйли от этого кусочка бумаги порядка не прибавилось, а можно даже сказать, наоборот.

Дальше какими-то не очень ловкими усилиями, но все же Эйли втокнула уголок бумаги обратно в посылку и отнесла ее Смиту. Тот принял ее как обычно, послав Эйли добродушную улыбку, и как обычно зашелестел за дверью бумагой.

Эйли, вообще говоря, оказалась в странном положении. Она практически разрывалась ровно на две части между двумя этими большими загадками: с одной стороны, загадка Смита, ведь очень хотелось бы узнать, чем же он на самом деле занимается, с другой стороны – загадка зеркала, которое Смит подарил ей накануне... И Эйли начинала совершенно ясно понимать, что эти две загадки как-то связаны друг с другом, что в действительности это даже не две загадки, а судя по всему – вообще одна.

Но вот, наконец, случилось то, что должно было случиться.

Прошло всего несколько дней. Погода наладилась, облака иногда затягивали небо, но как они не старались, а не достигали его половины, и Эйли со спокойной совестью сидела на качелях, раскачиваясь тихо взад-вперед, и пускала вдаль свои яркие солнечные зайчики. В ответ ничего не происходило, но Эйли терпеливо ждала, ведь ее предупреждали, что сразу ничего не произойдет. И она готова была ждать еще сколько угодно. Хоть неделю.

Но к ее большому удивлению даже недели ждать не пришлось. Дело это было, как оказалось, интересное, время проходило быстро, и вот однажды Эйли вздрогнула на своих качелях.

Зеркальце едва не выпало у нее из рук. И выпало бы, наверное, если бы качели в этот момент несли ее назад, но они несли ее вперед, и упасть чему-либо с них в этот момент было сложнее. Солнце блестело впереди очень ярко и предательски мешало смотреть вдаль, засвечивая весь обзор и ослепляя мгновенно, как только оно попадало в глаза. В это же время откуда-то появился сильный и холодный поток ветра, и Эйли была бы счастлива ему в любой другой момент, но теперь, свистя у нее в ушах, он заглушил все звуки, лишив ее ни больше, ни меньше – целого органа чувств. Но тем не менее она была уверена, что только что, секунду, может быть, полторы назад – она видела там, вдали яркий маленький огонек, как будто кто-то иголкой коснулся ее глаз и пустил по иголке ток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.